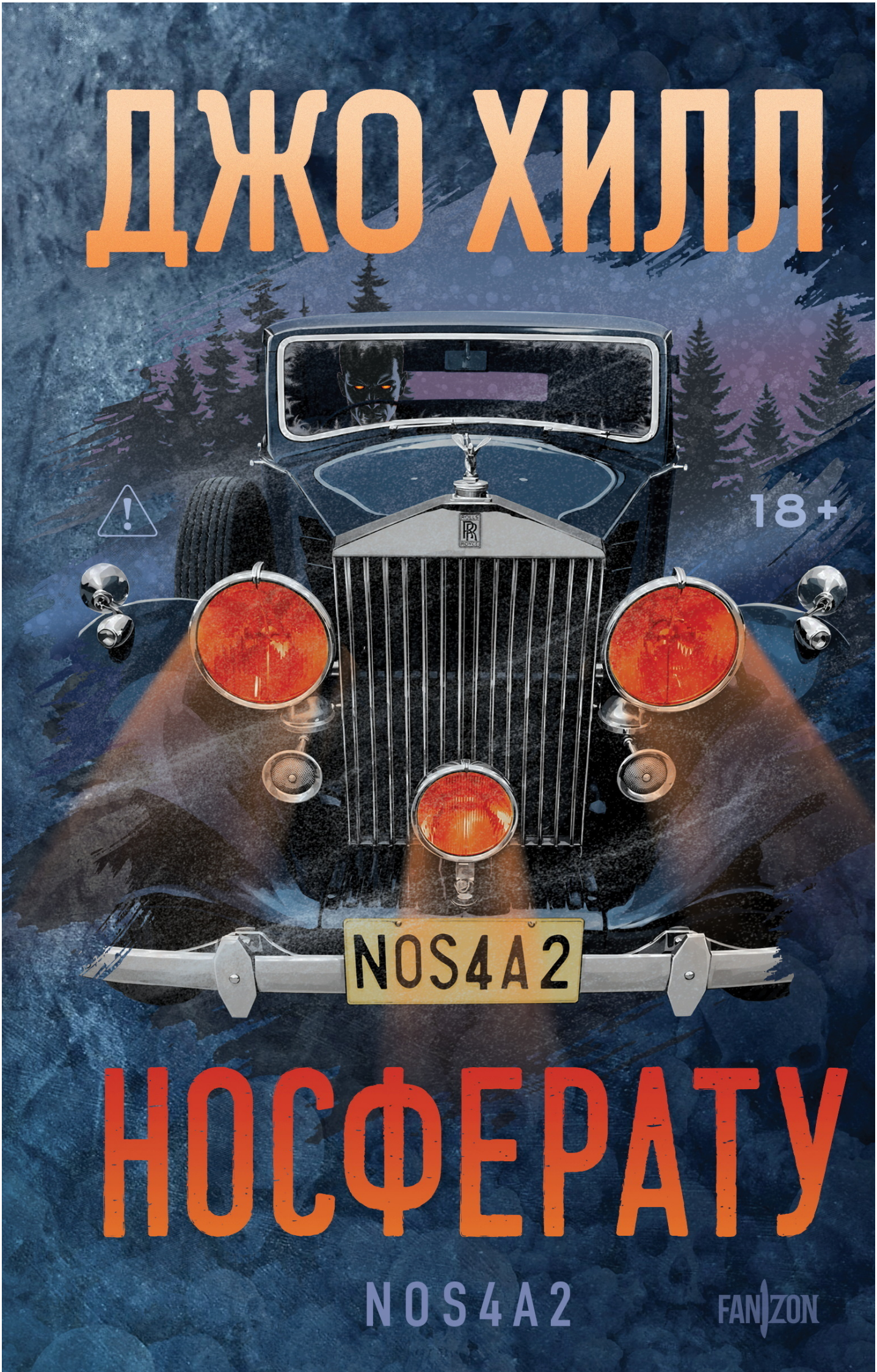
ДЖО ХИЛЛ



НОСФЕРАТУ

NOS4A2

FANZON

Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов

Джо Хилл

Носферату

«Эксмо»
2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хилл Д.

Носферату / Д. Хилл — «Эксмо», 2013 — (Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов)

ISBN 978-5-04-256777-3

Случай забросил меня в альтернативную Россию, где самое опасное оружие – не ядерное, а настоящие драконы. Меня насильно выдали за сына императора, дабы управляла могущественным драконом. Муж бегает по бабам, а мне интересно двигать науку и технику. Да еще и война не за горами…

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-256777-3

© Хилл Д., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог 6
Мост «Напрямик» 10
Хаверхилл, штат Массачусетс 10
«Лучшие блюда от Терри» Хэмптон-Бич, штат Нью-Гемпшир 16
Хаверхилл, штат Массачусетс 19
Дом 22
Различные места 24
Пикантная угроза 26
Шугаркрик, штат Пенсильвания 26
«Норт-хим-фарм» 32
Шоссе номер 322 35
Дорога в Страну Рождества 39
Кладбище Того, Что Могло Бы Быть 41
Сельский пейзаж Пенсильвании 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Джо Хилл
Носферату

Моей маме – вот тебе крутая тачка для королевы историй

Die Todten reiten schnell[1].
Готфрид. Бюргер*[2]*, «Ленора»

Серия «Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов»

Joe Hill
NOS4A2
Copyright © 2013 by Joe Hill
Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод *Сергея Саксина*
Перевод стихов *Анны Блейз*

Иллюстрация *Валерия Петелина*

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

[1] Гладка дорога мертвецам *(пер. В. А. Жуковского)*

[2] Бюргер, Готфрид (1747–1794) – немецкий поэт-романтик; баллада «Ленора» – самое известное его произведение.

Пролог
Счастливого рождества!
Декабрь 2008 года

Федеральное исправительное учреждение «Энглвуд», штат Колорадо

Медсестра Торнтон заглянула в медицинское отделение около восьми часов с пакетом подогретой крови для Чарли Мэнкса.

Двигалась она на полном автопилоте: мысли ее никак не были связаны с работой. После долгих колебаний Эллен Торнтон наконец решила купить своему сыну Джосайе игровую приставку «Нинтендо ДС», которую тот у нее давно просил, и сейчас она прикидывала, успеет ли заскочить в магазин «Мир игрушек» после окончания своего дежурства, до его закрытия.

Эллен боролась с этим позывом на протяжении нескольких недель, по чисто философским соображениям. На самом деле ей не было никакого дела до того, что такие игровые приставки были у всех друзей Джосайи. Просто ей не нравилась сама идея подобных портативных игровых консолей, которые дети таскали с собой повсюду. Эллен Торнтон терпеть не могла то, как мальчишки погружались с головой в светящиеся экраны, меняя действительность на какие-то задворки воображения, где удовольствие подменяло мысль, а изобретение новых изощренных способов убивать возводилось в ранг искусства. В своих мечтах она видела, что сын любит читать книги, играть в «Скрэббл»[3] и хочет ходить вместе с ней в лыжные походы. Как смешно!

Эллен держалась долго, сколько могла, но затем, не далее как вчера вечером, застала Джосайю сидящим на кровати со старым бумажником в руках. Мальчик притворялся, будто это «Нинтендо». Вырезав картинку с кадром из игры, Джосайя вставил ее в прозрачный пластиковый карман для фотографий. Нажимая воображаемые кнопки, он изображал звуки взрывов, и у Эллен оборвалось сердце при виде того, что ее сын уже абсолютно уверен в том, какой именно подарок получит на Большой Праздник. В этот момент она поняла: она сама может думать все что угодно насчет того, что полезно для мальчишек, а что нет. Однако из этого вовсе не следовало, что Санта-Клаус должен разделять ее мнение.

Поскольку мысли Эллен были заняты другим, она заметила, что с Чарли Мэнксом что-то не так, только когда обходила его койку, чтобы добраться до капельницы. Так получилось, что как раз в этот момент он тяжело вздохнул, словно скучая. Эллен опустила на него взгляд и увидела, что он пристально смотрит на нее, и она так удивилась, увидев его с открытыми глазами, что едва не уронила на пол пакетик с кровью.

Чарли Мэнкс был отвратительно старым, да и просто отвратительным. Его здоровенный лысый череп напоминал глобус какой-то неведомой планеты, континенты на которой обозначались печеночными пятнами и саркомами, похожими на синяки. Из всего того жуткого, что можно было увидеть в медицинском отделении тюрьмы строгого режима – оно же «Овощная грядка», – особенно жутко было видеть Чарли Мэнкса с открытыми глазами в *это* время года. По его милости в девяностых пропали десятки детей. У него был свой дом под Флэтайронс, где он убивал их, а затем вывешивал в память о них рождественские украшения. Газеты прозвали это место «Сани Санта-Клауса»[4]. *Хо-хо-хо.*

На работе Эллен по большей части удавалось отключать материнскую сторону своего рассудка, не думать о том, что делал Чарли Мэнкс с маленькими девочками и мальчиками, встречавшимися ему на пути, девочками и мальчиками того же возраста, что и ее Джосайя.

---

[3] «Скрэббл» – настольная игра, в которой игроки состязаются в образовании слов с использованием буквенных плиток на специальном игровом поле.

[4] Непереводимая игра слов: английское слово sleigh – «сани» – созвучно слову slay – «убивать».

Если ей это удавалось, она не задумывалась над тем, что совершили в прошлом ее подопечные. Пациент из противоположного конца палаты связал свою подругу и двух ее детей, поджег их дом, и они сгорели живьем. Его схватили в баре на соседней улице, где он пил пиво, смотря по телевизору бейсбольный матч. Эллен не видела смысла зацикливаться на этих мыслях, посему приучила себя воспринимать своих пациентов лишь как придатки к медицинскому оборудованию и капельницам, к которым они были подключены: мясная периферия.

За все то время, что Эллен проработала в тюремной больнице ФИУ[5] «Энглвуд», она никогда не видела Чарли Мэнкса с открытыми глазами. Эллен работала здесь уже три года, и все это время он пребывал в коме. Из всех ее пациентов он был самым слабым – хрупкая оболочка кожи, натянутая на кости. Его монитор сердечного ритма пищал как метроном, установленный на самый медленный темп. Никто не смог определить возраст Мэнкса, однако на вид он был старше Кита Ричардса[6]. Он даже был немного *похож* на Кита Ричардса – на лысого Ричардса с полным ртом маленьких острых коричневых зубов.

В палате лежали еще три пациента в коме, «овощи», как их называл медперсонал. Поработав здесь какое-то время, можно было узнать, что у каждого овоща есть свои закидоны. Дон Генри, который сжег заживо свою подругу и ее детишек, иногда отправлялся на «прогулку». Разумеется, с койки он не вставал, однако его ноги слабо дергались под одеялом. Был еще тип по имени Леонард Поттс, который находился в коме уже пять лет и больше никогда не должен был из нее выйти – другой заключенный вколотил ему в череп отвертку, пронзив большие полушария головного мозга. Но он иногда откашливался и громко кричал: «Я знаю!» словно ученик начальной школы, спешащий первым ответить на вопрос учителя. Быть может, закидон Мэнкса заключался в том, чтобы открывать глаза, но просто Эллен никогда прежде его за этим не заставала.

– Здравствуйте, мистер Мэнкс, – на полном автомате сказала она. – Как вы сегодня себя чувствуете?

Механически улыбнувшись, Эллен задержалась у койки, по-прежнему держа в руке пакет с кровью, нагретой до температуры человеческого тела. Ответа она не ждала, но ей показалось, что правила приличия требуют дать Мэнксу время собраться со своими несуществующими мыслями. Убедившись, что он не собирается ничего отвечать, Эллен протянула руку, чтобы закрыть ему веки.

Мэнкс схватил ее за запястье. Эллен не смогла удержаться от крика и выронила пакет с кровью. Упав на пол, пакет взорвался алым месивом, брызнув теплыми каплями ей на ноги.

– А! – закричала Эллен. – А! А! О господи!

В воздухе запахло железом.

– Твой мальчик, Джосайя, – произнес Мэнкс хриплым, скрежещущим голосом. – Для него есть место в Стране Рождества, рядом с другими детьми. Я мог бы дать ему новую жизнь. Я мог бы дать ему новую красивую улыбку. Я мог бы дать ему новые красивые зубы.

Услышать, как Мэнкс произносит вслух имя ее сына, было для Эллен даже еще хуже, чем ощутить его руку на своем запястье или кровь на своих ногах. («Кровь чистая, – напомнила себе она, – *чистая!*») Услышав, как этот человек, признанный судом убийцей, говорит о ее сыне, Эллен ощутила головокружение, самое настоящее головокружение, словно она находилась в стеклянной кабине лифта, стремительно уносящегося в небо, а окружающий мир проваливался вниз.

– Отпустите… – прошептала она.

– Джосайе Джону Торнтону найдется место в Стране Рождества, а тебе найдется место в Доме Сна, – продолжал Чарли Мэнкс. – Человек с Противогазом скажет, как с тобой поступить.

---

[5] Федеральное исправительное учреждение.

[6] Ричардс, Кит (род. 1943) – английский музыкант, гитарист рок-группы «Роллинг стоунз».

Он пустит тебе имбирный дым и научит любить его. Мы не можем взять тебя с собой в Страну Рождества. Точнее, я бы, может быть, и *взял бы,* но лучше пусть тобой займется Человек с Противогазом. Человек с Противогазом – это само милосердие.

– Помогите! – хотела выкрикнуть Эллен, но получилось лишь прошептать: – Помогите мне! – Ей никак не удавалось обрести свой голос.

– Я видел Джосайю на Кладбище Того, Что Могло Бы Быть. Джосайе следует прокатиться на «Призраке». Он будет вечно счастлив в Стране Рождества. Там мир не сможет его погубить, потому что Страны Рождества в этом мире *нет.* Она у меня *в голове.* У меня в голове все они в безопасности. Понимаешь, я давно мечтал о ней. О Стране Рождества. Я мечтал о ней, но я иду и иду и никак не могу дойти до конца тоннеля. Я слышу, как поют дети, но я не могу дойти до них. Я слышу их крики, призывающие меня, но тоннель никак не заканчивается. Мне нужен «Призрак». Мне нужен мой верный конь.

Язык Мэнкса вывалился у него изо рта, бурый, покрытый мерзкой блестящей слизью. Облизнув свои пересохшие губы, Мэнкс отпустил руку Эллен.

– Помогите! – прошептала та. – Помогите, помогите, помогите!

Ей пришлось повторить это еще два-три раза, прежде чем у нее получилось достаточно громко, чтобы ее услышали. Затем она распахнула двери и выскочила в коридор, побежала в своих мягких тапочках, вопя что есть силы. Оставляя за собой ярко-красные следы.

Десять минут спустя двое охранников в полном боевом снаряжении привязали Чарли Мэнкса к койке, на всякий случай – вдруг он снова откроет глаза и попытается встать. Однако прибывший через какое-то время врач, осмотревший пациента, сказал, что его можно развязать.

– Этот тип не встает с койки с 2001 года. Его приходится переворачивать четыре раза в день, чтобы у него не образовались пролежни. Даже если бы он не был «овощем», он слишком слаб, чтобы куда-либо пойти. Сомневаюсь, что после семи лет полной мышечной атрофии он смог бы самостоятельно сесть.

Эллен слушала, стоя у самой двери, – если Мэнкс снова открыл бы глаза, она намеревалась выскочить из палаты первой, – однако после этих слов она нетвердой походкой подошла к врачу и задрала правый рукав халата, показывая синяки на запястье, оставленные Мэнксом.

– Это мог сделать человек, слишком слабый для того, чтобы самостоятельно сесть? Я думала, он вырвет мою руку из сустава. – Ноги у Эллен болели практически так же сильно, как и покрытая синяками рука. Стащив промокшие от крови колготки, она оттирала ноги обжигающе горячей водой и антибактериальным мылом до тех пор, пока не содрала с них кожу. Теперь Эллен была в спортивных кроссовках. Те тапочки, которые были на ней тогда, уже лежали в мусорном баке. Даже если бы их можно было спасти, Эллен вряд ли надела бы их снова.

Врач, молодой индус по фамилии Патель, бросив на нее смущенный взгляд, посветил фонариком Мэнксу в глаза. Зрачки не сузились. Патель поводил фонариком взад и вперед, однако взгляд Мэнкса оставался сосредоточен на точке над левым ухом у врача. Патель хлопнул в ладоши в дюйме у Мэнкса перед носом. Тот даже не моргнул. Осторожно закрыв ему глаза, врач изучил кардиограмму, снятую только что.

– Тут нет ничего такого, чего бы не было на последних десяти кардиограммах, – сказал Патель. – По шкале Глазго у этого пациента девять баллов[7] – наблюдается медленный альфаритм бодрствования, свойственный альфа-коме. На мой взгляд, медсестра, пациент просто говорил во сне. Подобное случается даже с такими «овощами», как этот тип.

– Глаза у него были *открыты,* – возразила Эллен. – Он смотрел на меня. Ему было известно мое имя. Ему было известно имя моего сына.

[7] Шкала комы Глазго – шкала для оценки нарушения сознания; минимальное количество баллов – 3 (глубокая кома).

– Вы никогда в его присутствии не говорили о своем сыне с другими медсестрами? – спросил Патель. – Невозможно сказать, что этот тип усвоил подсознательно. Положим, вы говорите другой медсестре: «О, мой сын стал лучшим по словарному диктанту». Мэнкс это слышит, а затем воспроизводит во сне.

Эллен кивнула, однако в то же время она подумала: «Мэнксу было известно среднее имя Джосайи», – а Эллен была уверена в том, что не говорила его никому в больнице. «Джосайе Джону Торнтону найдется место в Стране Рождества, – сказал Чарли Мэнкс, – а тебе найдется место в Доме Сна».

– Я так и не сделала мистеру Мэнксу переливание крови, – сказала Эллен. – Вот уже две недели он страдает от анемии. Подхватил через катетер воспаление мочеиспускательного тракта. Я схожу за новым пакетом.

– Не берите в голову. Я позабочусь о том, чтобы старый вампир получил свою кровь. Послушайте, вы сейчас здорово перепугались. Постарайтесь оставить все в прошлом. Ступайте домой. До окончания дежурства вам оставалось сколько – всего один час? Отправляйтесь отдыхать. И завтра также можете не приходить на работу. Вам нужно было сходить в магазин? Вот и сходите. Перестаньте думать о случившемся и расслабьтесь. Скоро Рождество, сестра Торнтон. – Врач подмигнул. – Разве вы не знаете, что это самое прекрасное время года?

Мост «Напрямик»
1986–1989 годы

Хаверхилл, штат Массачусетс

Занозе было восемь лет, когда она впервые проехала по крытому мосту, разделяющему Потерянное и Найденное.

Произошло это так: они только вернулись с Озера, и Заноза была у себя в комнате, вешала на стену плакат с Дэвидом Хассельхоффом[8] – черная кожаная куртка, улыбка, демонстрирующая ямочки на щеках, стоит, скрестив руки на груди, перед своим автомобилем КИТТ[9], – когда услышала донесшиеся из спальни родителей всхлипывания.

Поставив одну ногу на спинку кровати, Заноза грудью прижимала плакат к стене, приклеивая углы коричневым скотчем. Застыв, она склонила голову набок и прислушалась, не с тревогой, а гадая, что вывело мать из себя на этот раз. Судя по всему, она что-то потеряла.

– …был, я же знаю, что был! – причитала мать.

– Может быть, ты сняла его на берегу озера? Прежде чем войти в воду? – спросил Крис Маккуин. – Вчера днем?

– Я же тебе говорила, что не купалась!

– Но, может быть, ты его сняла, когда наносила крем для загара?

И так далее, снова и снова, одно и то же, но Заноза решила на какое-то время не обращать на них внимания. В свои восемь лет Заноза – Виктория для учительницы второго класса, Викки для своей матери, но для отца и в своем сердце Заноза, – уже вышла из того возраста, когда ее тревожили выходки матери. Взрывы хохота и истеричный плач Линды Маккуин давно уже стали постоянным акустическим фоном жизни Занозы и лишь изредка заслуживали того, чтобы на них обращали внимание.

Разгладив плакат, Заноза прилепила все четыре угла и отошла назад, чтобы насладиться своей работой. Дэвид Хассельхофф, такой крутой. Заноза хмурилась, стараясь решить, не криво ли висит плакат, когда хлопнула дверь и послышался новый горестный крик – опять ее мать, – затем голос отца.

– Так и знал, что так будет, – проворчал он. – Как по заказу.

– Я спросила у тебя, смотрел ли ты в ванной, и ты сказал, что смотрел. Ты сказал, что взял с собой *всё*. Ты смотрел в ванной или нет?

– Не помню. Нет. Наверное, не смотрел. Но это не имеет значения, Линда, потому что в ванной ты его не оставляла. Ты знаешь, *почему* я уверен в том, что ты не оставляла свой браслет в ванной? Потому что вчера ты забыла его на пляже. Вы с Региной Ройсон целый день пеклись на солнце и выпили по ведру коктейлей, и ты так расслабилась, что начисто забыла про то, что у тебя есть дочь, и заснула. А проснувшись, ты сообразила, что опоздаешь на час забрать ее из лагеря…

– Я опоздала не на час!

– …ты уезжала в спешке. Ты забыла крем для загара, забыла свое полотенце, и ты также забыла свой браслет, а сейчас…

---

[8] Хассельхофф, Дэвид Майкл (род. 1952) – американский актер и певец, наиболее известен по главной роли Майкла Найта в телесериале «Рыцарь дорог».

[9] КИТТ – суперавтомобиль с искусственным интеллектом, второй главный герой сериала «Рыцарь дорог».

– И я вовсе не была пьяна, если ты на это намекаешь. Я не сажусь за руль пьяная, Крис, если в машине наша дочь. Это по твоей части…

– …и вот сейчас ты, как обычно, закатываешь концерт и обвиняешь всех и вся.

Заноза уже почти не замечала, что двигается, выходит в тускло освещенный коридор и направляется к спальне родителей. Приоткрытая на полфута дверь позволяла увидеть краешек двуспальной кровати и лежащий на ней чемодан. На полу валялись разбросанные вещи. Заноза догадалась, что мать в истеричном порыве начала раскидывать из чемодана вещи, ища свой браслет – золотое кольцо с сидящей на нем бабочкой, сделанной из блестящих голубых сапфиров и похожих на осколки льда бриллиантов.

Мать расхаживала по комнате взад и вперед, так что раз в несколько секунд она мельком показывалась в той узкой полоске спальни, которая была видна Занозе.

– Вчерашний день тут ни при чем! Я же сказала тебе, что не теряла браслет на пляже. *Не теряла!* Сегодня утром он лежал у раковины, рядом с сережками. Если он не на стойке администратора, его стащила одна из горничных. Все они этим промышляют – в качестве дополнительного источника доходов. Прикарманивают то, что оставляют без присмотра гости.

Отец Занозы помолчал, затем сказал:

– Господи, какая же ты внутри мерзкая, твою мать! И я завел с тобой ребенка!

Заноза вздрогнула. У нее защипало в уголках глаз, но она не расплакалась. Зубы впились в нижнюю губу, вызвав резкую боль, которая помогла сдержать слезы.

Однако ее мать не проявила такой выдержки и заплакала. Она снова показалась в щели приоткрытой двери, одна рука прижата к лицу, плечи сгорблены. Не желая быть увиденной, Заноза отступила вглубь коридора.

Пройдя мимо своей комнаты, она оказалась у входной двери. Внезапно мысль оставаться в четырех стенах показалась ей невыносимой. Воздух здесь был спертым и душным. Кондиционер не работал уже целую неделю. Все растения погибли, и это можно было ощутить по запаху.

Заноза сама не знала, куда направляется, до тех пор пока не оказалась там, хотя в тот самый момент, когда услышала, как ее отец рубанул: «Господи, какая же ты внутри мерзкая, твою мать!» конечная цель ее пути определилась однозначно. Войдя в гараж через боковую дверь, Заноза выкатила свой «Рэли».

Велосипед «Рэли тафф бёрнер» ей подарили на день рождения в мае, и это был, в двух словах, ее лучший подарок на день рождения… во все времена, сейчас и навсегда. Даже когда ей будет тридцать лет и ее собственный сын спросит у нее, какой самый замечательный подарок ей когда-либо преподносили, она сразу же вспомнит свой голубой «Рэли тафф бёрнер» с желтыми как бананы ободьями и толстыми покрышками. Это была самая любимая ее вещь, лучше Магического шара судьбы[10], книжки-раскраски с рок-группой «Кисс» и даже игровой приставки «Колеко вижен».

Заноза впервые увидела «Рэли» в витрине магазина велосипедов в центре, за три недели до своего дня рождения, когда гуляла с отцом, и при виде велосипеда она громко воскликнула: «Ого!» Отец, увидев ее реакцию, зашел с ней в магазин и уговорил продавца дать ей прокатиться в демонстрационном зале. Продавец настоятельно советовал Занозе обратить внимание на другие велосипеды, уверял, что «Тафф бёрнер» будет ей велик, даже если максимально опустить седло. Девочка не понимала, о чем он говорит. Это было что-то вроде колдовства: она смогла бы летать на метле, легко рассекать ночь накануне Дня всех святых на высоте тысяча футов над землей. Отец притворился, будто согласен с продавцом, и заверил Вик, что у нее будет что-нибудь в таком духе, когда она станет постарше.

Через три недели велосипед стоял в переулке перед домом, с большим серебристым бантом на руле.

---

[10] Магический шар судьбы – игрушка, шутливо предсказывающая будущее.

– Ты ведь стала старше, правильно? – подмигнул отец.

Заноза проскользнула в гараж, где «Тафф бёрнер» стоял слева, прислоненный к стене рядом с отцовским байком – не велосипедом, а черным «Харли-Дэвидсоном» 1979 года, на котором Крис Маккуин до сих пор летом ездил на работу. Отец был подрывником, работал в дорожной строительной компании, разбивая скалы взрывчаткой, в основном аммиачной селитрой, но иногда и тротилом. Как-то раз он сказал дочери, что только умный человек способен придумать, как обратить в пользу свои дурные привычки. Когда Вик спросила у него, что он имел в виду, отец объяснил, что почти все те, кто любит взрывать бомбы, или отправляются за решетку, или сами разлетаются на мелкие куски. Однако в его случае пагубное увлечение приносит шестьдесят тысяч в год и принесет еще больше, если он сам взлетит на воздух, поскольку у него чертовски замечательная страховка. Один его мизинец будет стоить двадцать «косарей», если его случайно оторвет взрывом. На бензобаке отцовского мотоцикла была нарисована комичная сексуальная блондинка в бикини цветов американского флага, оседлавшая бомбу, на фоне пламени. Отец Вик был крутым перцем. У других детей отцы что-то строили. Ее же отец все взрывал, разъезжал на «Харлее» и выкуривал сигарету, от которой поджигал запал. Полный улет.

Занозе разрешалось кататься на «Рэли» по тропинкам в лесу Питтман-стрит – так неофициально назывался клочок земли площадью тридцать акров прямо за домом, заросший соснами и березами. Ей разрешалось доезжать до речки Мерримак и крытого моста через нее, а там разворачиваться и ехать обратно.

Лес продолжался и за крытым мостом, известным также как мост «Напрямик», однако Вик запрещалось пересекать по нему речку. Мосту «Напрямик» было семьдесят лет, он имел в длину триста футов и уже начинал провисать посредине. За долгие годы мост сильно обветшал, опоры навеса косились вниз по течению, и казалось, мост может рухнуть от сильного ветра. Вход на него перегораживала железная сетка, но подростки оторвали проволоку с одного угла и пробирались на мост, чтобы покурить «траву» и пообжиматься. Жестяная табличка на сетке гласила: «Решением полиции Хаверхилла признан небезопасным». Это место облюбовали преступники, бродяги и полоумные.

Разумеется, Заноза бывала там (без комментариев на тему того, к какой категории она принадлежала), не обращая внимания на отцовские угрозы и на табличку «Признан небезопасным». Заноза бросила себе вызов: нужно пролезть под сеткой и пройти десять шагов, а она никогда не отступала, когда ей бросали вызов, даже если его бросала себе она сама. *Особенно* если вызов себе бросала она сама.

На мосту было холоднее на целых пять градусов, а в полу зияли проломы, в которые в ста футах внизу была видна вода, взъерошенная ветром. Сквозь дыры в навесе из черного рубероида проникали столбы золотистого света, в которых кружились пылинки. В полумраке громко пищали летучие мыши.

У Вик участилось дыхание, и это было неудивительно – идти по этому длинному темному тоннелю, перекинутому не просто через реку, но и через саму смерть. Ей было восемь лет, и она не сомневалась в том, что сможет опередить все что угодно – в том числе и обрушение моста. Однако вера ее немножко ослабла, когда она сделала первые маленькие шажки по старым, вытертым, скрипучим доскам настила. Вик сделала не десять, а целых *двадцать* шагов. Однако при первом же громком треске она струсила и, стремглав вернувшись назад, пролезла под оградой из сетки, чувствуя себя так, будто у нее в горле застряло собственное сердце.

А сейчас Заноза прокатила ве́лик через двор, и еще через мгновение она уже неслась вниз по склону через лес, подпрыгивая на корнях и камнях. Покинув родительский дом, Вик прямиком очутилась в одной из своих фирменных выдуманных историй про «Рыцаря дорог».

Она сидела в своем КИТТе, они мчались по лесу, свободно лавируя между деревьями, а летний день сгущался в лимонно-желтые сумерки. Они выполняли особое задание: спасти

микрочип с хранящимися на нем секретными данными о местонахождении всех до одной американских пусковых шахт. Микрочип был спрятан в браслете матери – элемент бабочки из драгоценных камней, искусно замаскированный под бриллиант. Похитившие микрочип наемники собирались продать информацию тем, кто им больше заплатит: Ирану, России, возможно, Канаде. Вик и Майкл Найт приближались к их тайному логову обходным путем. Майкл просил Вик дать ему слово не рисковать без крайней необходимости, не вести себя как неразумный ребенок, а та презрительно рассмеялась ему в лицо и закатила глаза, однако оба понимали, в соответствии с требованиями сюжета, что в какой-то момент ей все-таки придется вести себя как неразумный ребенок, тем самым поставив под угрозу их жизнь и заставив пойти на отчаянные действия, чтобы спастись от плохих ребят.

Вот только это повествование не удовлетворяло Занозу в полной мере. Начнем с того, что она *точно* не ехала на машине. Она сидела на своем велике, тряслась на ухабах, быстро крутя педали – так быстро, чтобы оторваться от комаров. Также она не могла расслабиться и предаться мечтаниям, как это обыкновенно бывало. У нее не выходило из головы: «Господи, какая же ты внутри мерзкая, твою мать!» Внезапно у Вик мелькнула мысль, от которой внутри все перевернулось: она возвращается домой, а отца нет. Пригнувшись к рулю, Заноза закрутила педали быстрее – единственный способ оставить подобные жуткие мысли позади.

Следующей ее мыслью было – она не на своем «Тафф бёрнере», а на отцовском «Харлее». Обхватила Криса Маккуина руками за талию, а на голове шлем, купленный отцом, настоящий черный шлем, закрывающий всю голову, в котором Вик чувствовала себя наполовину облаченной в космический скафандр. Они возвращаются на озеро Виннипесоки за браслетом матери; это должно будет стать для нее сюрпризом. Мать закричит, увидев браслет в руках у отца, а тот рассмеется, обнимет Линду Маккуин за талию, поцелует ее в щеку, и они перестанут злиться друг на друга.

Заноза скользила сквозь пятнистый солнечный свет под низко нависающими ветвями. Шоссе номер 495 было уже так близко, что его было слышно: натужный рев фур, переходящих на пониженную передачу, ровный гул легковушек и – да, даже ворчание мотоцикла, едущего на юг.

Закрыв глаза, Вик сама почувствовала себя на шоссе, получая удовольствие, наслаждаясь невесомостью в те мгновения, когда ве́лик нырял в ямы. Она не замечала, что сейчас она уже мысленно сидела на «Харлее» одна, большая девочка, достаточно взрослая, чтобы самой крутить ручку газа.

Она заставит замолчать обоих. Отыщет браслет, вернется назад и швырнет его на кровать родителям, после чего выйдет из комнаты, не сказав ни слова. И пусть они смущенно таращатся друг на друга. Но по большей части Вик представляла себе мотоцикл, поглощающий ровную ленту шоссе миля за милей, пока последние отсветы дня покидают темнеющее небо.

Внезапно Заноза выскочила из пахнущего хвоей полумрака на широкую грунтовую дорогу, ведущую к мосту. «Напрямик», как называли его одним словом местные.

Приблизившись к мосту, Вик увидела, что ограда из проволочной сетки лежит. Ее сняли со столбов и бросили на землю. Вход на мост – шириной как раз для того, чтобы проехала легковая машина, – обрамляли сплетения плюща, нежно колышущиеся в дуновениях ветра со стороны протекающей внизу реки. А дальше начинался прямоугольный тоннель, простирающийся до квадрата невероятно яркого света, словно противоположный конец выходил на поле золотой пшеницы, а может быть, просто золота.

Заноза замедлилась – самую малость. Она пребывала в велосипедном трансе, заехала глубоко в собственный рассудок, и когда она приняла решение ехать дальше, прямо через поваленную ограду и в темноту, то не стала особо задумываться над этим. Остановиться теперь – это стало бы признанием отсутствия мужества, чего Вик не могла себе позволить. К тому же она верила в скорость. Если доски настила начнут трещать, она просто продолжит ехать и

покинет гнилое дерево до того, как то под ней проломится. А если там кто-либо будет – какой-нибудь бродяга, который захочет протянуть руки к маленькой девочке, – она проедет мимо него, прежде чем он успеет пошевелиться.

Мысли о ломающихся старых досках и бродяге, хватающем ее, наполнили Занозе грудь сладостным ужасом, и вместо того чтобы остановить, заставили ее встать на педалях и поехать еще быстрее. Также Вик подумала, с каким-то спокойным удовлетворением, что если мост все-таки рухнет в реку, находящуюся под ним на глубине десятиэтажного дома, и она разобьется о камни, виноваты в этом будут ее родители, которые поссорились и тем самым выгнали ее из дома, и это станет для них хорошим уроком. Они будут страшно переживать, им станет плохо от горя и сознания собственной вины, и именно этого они и добивались, оба.

Проволочная сетка загромыхала и застучала под колесами «Тафф бёрнера». Вик нырнула в сумеречное подземелье, воняющее летучими мышами и гнилью.

Въехав на мост, она увидела на стене надпись, слева, баллончиком с зеленой краской. Вик не стала сбавлять скорость, чтобы прочитать эту надпись, но ей показалось, что там написано «от Терри», и она нашла это забавным, так как с родителями нередко обедала в ресторане «Лучшие блюда от Терри» в Хэмптон-Биче, штат Нью-Гемпшир, на берегу моря. Они однажды остановились там по дороге с озера Виннипесоки домой, Хэмптон-Бич находится как раз на полпути между Хаверхиллом и озером.

Внутри крытого моста звук стал другим. Вик слышала гул реки, текущей в ста футах под ней, но он был похож не столько на звуки текущей воды, сколько на белый шум, на треск статического электричества по радио. Вик не смотрела вниз, боясь увидеть реку в дыры в настиле. Она даже не смотрела по сторонам, полностью сосредоточив взгляд на противоположном конце моста.

Вик проезжала сквозь заикающиеся полосы белого света. Когда она пересекала один из этих тонких, словно вафля, ярких листов, она почувствовала это своим левым глазом – что-то вроде отдаленного биения. Возникло неприятное ощущение того, что настил начинает *проседать.* Теперь у нее оставалась одна-единственная мысль, длиной всего в два слова: «почти доехала, почти доехала», Вик повторяла их в такт бешеному вращению педалей.

Квадрат света в противоположном конце моста расширялся и становился ярче. По мере приближения к нему Заноза ощущала чуть ли не свирепый жар, исходящий из выхода. По какой-то необъяснимой причине воздух наполнился запахами солнцезащитного крема и колечек лука. Почему-то у Вик не возникло вопросов насчет того, почему с другой стороны моста нет ограждения.

Вик Маккуин, она же Заноза, сделала глубокий глоток воздуха и выехала из моста «Напрямик» на солнечный свет, колеса спрыгнули с досок настила и оказались на ровном асфальте. Шипение и треск белого шума резко оборвались, словно она и вправду слушала статику по радио, а кто-то просто щелкнул выключателем.

Вик проехала еще с десяток футов, прежде чем увидела, куда попала. Сердце сжалось у нее в груди, прежде чем она успела нажать на тормозные ручки. Вик затормозила с такой силой, так резко, что заднее колесо занесло, оно пошло по асфальту юзом, оставляя черный след.

Она выехала из моста позади одноэтажного здания, на асфальт переулка. Слева от нее у кирпичной стены стояли несколько мусорных баков. Переулок с одного конца был перегорожен высоким деревянным забором. За забором проходила дорога. Вик услышала шум проезжающих машин, услышала обрывок песни, донесшейся из радио: «Абра-абра-кадабра… тебя хочу обнять я…»

Вик с первого взгляда поняла, что это не то место. Она много раз спускалась к мосту «Напрямик», смотрела на противоположный высокий берег Мерримака и знала, что там находится: лесистый холм, зеленый, тихий и прохладный. Никакой дороги, никакого магазина, никакого переулка. Обернувшись, она едва не вскрикнула.

Мост «Напрямик» заполнял начало переулка у нее за спиной. Он был насажен прямо на него, между одноэтажным кирпичным зданием и пятиэтажным зданием из стекла и побеленного бетона напротив.

Мост больше не пересекал реку, а был втиснут в пространство, с трудом вмещающее его. При виде этого Вик охватила сильная дрожь. Всмотревшись в темноту, она увидела в противоположном конце далекие изумрудные тени леса Питтман-стрит.

Вик слезла с ве́лика. У нее судорожно тряслись ноги. Подкатив свой «Рэли» к мусорному контейнеру, она прислонила его к нему. Вик поймала себя на том, что ей не хватает мужества думать напрямую о мосте «Напрямик».

В переулке воняло жареной едой, протухшей на солнце. Вик захотелось вдохнуть свежего воздуха. Она прошла мимо двери, ведущей в шумную кухню, затянутую па'ром, и к высокому деревянному забору. Отперев закрытую на щеколду дверь сбоку, Вик шагнула на узкую полоску тротуара, который знала очень хорошо. Она стояла на этом самом тротуаре всего несколько часов назад.

Посмотрев налево, Вик увидела длинную полосу пляжа и океан за ним, зеленые волны с белыми барашками, сверкающими болезненно-ярко в лучах солнца. Мальчишки в одних плавках бросали друг другу летающую тарелку, ловили ее в картинных прыжках, падая затем на песок. По набережной катились машины, бампер к бамперу. Нетвердой походкой завернув за угол, Вик посмотрела на окно выдачи заказов ресторана

«Лучшие блюда от Терри»
Хэмптон-Бич, штат Нью-Гемпшир

Вик прошла перед выстроившимися в ряд мотоциклами, хромированная сталь горит на вечернем солнце. У других окон выстроились очереди из девушек, девушек в бикини и шортах, громко смеющихся. Как Вик был ненавистен этот смех, подействовавший на нее подобно звону разбитого стекла! Она вошла в заведение. На двери звякнул латунный колокольчик.

Все окна были открыты, за стойкой крутились на полную мощность полдюжины настольных вентиляторов, гоня воздух на столики, и все равно внутри было слишком жарко и душно. С потолка свисали длинные спирали лент-мухоловок, дрожащие на сквозняке. Занозе было неприятно смотреть на мухоловки, на насекомых, прилипших к ним, которые умерли в отчаянных попытках освободиться, пока прямо под ними посетители запихивали себе в рот гамбургеры. Она не заметила мухоловки сегодня днем, когда обедала здесь со своими родителями.

Вик ощутила легкую тошноту, как будто она хорошо побегала на полный желудок в августовскую жару. За кассой стоял крупный мужчина в белой майке. Его волосатые плечи покраснели от загара, а на носу белела полоска цинковой мази. Белая пластиковая бирка на майке сообщала, что его зовут «Пит». Пит проработал здесь весь день. Два часа назад Вик стояла рядом со своим отцом, пока Крис Маккуин расплачивался с Питом за пакет с гамбургерами и молочные коктейли. Они поговорили о бейсбольной команде «Ред сокс», которая в последнее время была на подъеме. 1986 год казался именно тем годом, когда команда могла наконец справиться с лежащим на ней проклятием. Клеменс рвал соперников в пух и прах. Парень уже практически обеспечил себе Приз имени Сая Янга[11], а до окончания сезона оставалось еще больше месяца.

Вик повернулась к Питу, хотя бы только потому, что узнала его. Но затем она поймала себя на том, что просто стоит перед ним, смущенно моргая, и понятия не имеет, о чем говорить. Гудящий за спиной Пита вентилятор поймал исходящий от него влажный человеческий запах, пахнув им Занозе в лицо. Нет, она определенно чувствовала себя неважно.

Вик была готова расплакаться, охваченная незнакомым чувством беспомощности. Она находилась здесь, в Нью-Гемпшире, в совершенно чужом месте. Мост «Напрямик» застрял сзади в переулке, и почему-то виновата в этом была она. Родители ее ссорились, они понятия не имели, как далеко от них она находится. Ей нужно было сказать все это и еще многое. Ей нужно было позвонить домой. Позвонить в полицию. Кто-то должен взглянуть на мост в переулке. Мысли Вик пустились в головокружительный круговорот. Ее голова внутри была очень плохим местом – темный тоннель, наполненный надоедливым шумом и кружащимися летучими мышами.

Однако верзила избавил Вик от необходимости решать, с чего начать. При виде нее он насупил брови.

– Ага, вот и ты! А я-то гадал, увижу ли тебя снова. Ты вернулась за ним, так?

– Вернулась? – недоуменно посмотрела на него Вик.

– За браслетом. Тем, что с бабочкой.

Пит повернул ключ, и из кассы со звоном выдвинулся ящик. Мамин браслет лежал в задней части.

Когда Вик его увидела, у нее по ногам снова пробежала дрожь слабости, и она вздохнула. Впервые с тех пор, как она выехала с моста «Напрямик» и, что совершенно невозможно, оказалась в Хэмптон-Бич, Вик ощутила что-то похожее на понимание.

---

[11] Приз имени Сая Янга – ежегодный приз, присуждаемый лучшему подающему в бейсболе.

В своем воображении она отправилась искать мамин браслет, и каким-то образом ей удалось его найти. Она никуда не поехала на своем велике. Вероятно, ее родители на самом деле не поссорились. Только так можно было объяснить, каким образом мост застрял в переулке. Она вернулась домой, перегревшаяся на солнце и уставшая, с животом, набитым молочным коктейлем, отключилась в своей кровати, и теперь все это ей снилось. Оценив все это, Вик рассудила, что ей следует забрать мамин браслет и вернуться обратно по мосту, после чего она, предположительно, проснется.

За левым глазом снова возник тупой зуд. Там глубоко пустила корни головная боль. Сильная. Вик не могла вспомнить, чтобы в прошлом приносила с собой в сон головную боль.

– Благодарю вас, – сказала Заноза Питу, протянувшему ей через стойку браслет. – Моя мама сильно переживала из-за него. Он сто'ит очень дорого.

– Сильно переживала, да? – Засунув мизинец в ухо, Пит покрутил им там. – Я так понимаю, речь идет о сентиментальной стоимости.

– Нет. То есть да, и это тоже. Браслет принадлежал моей бабушке, моей прабабушке. Но он еще очень дорогой.

– Угу, – пробормотал Пит.

– Он *антикварный,* – сказала Заноза, не совсем понимая, с какой стати считает своим долгом убедить Пита в ценности браслета.

– Ну, если только он антикварный, он может что-либо стоить. Если же нет, он не сто'ит ничего, это просто никчемная безделушка.

– Это настоящие *бриллианты!* – решительно произнесла Заноза. – Бриллианты и золото!

Пит рассмеялся: краткий, едкий лающий смешок.

– Честное слово! – стояла на своем Вик.

– Не-ет, – покачал головой Пит. – Бижутерия. Эти фиговины, похожие на бриллианты, на самом деле цирконий. И видишь, внутри полоска стала как бы серебряной. Золото не вытирается. Хорошая вещь остается хорошей, сколько бы ее ни мурыжили. – Он наморщил лоб, неожиданно проникаясь сочувствием. – С тобой все в порядке? Выглядишь ты неважно.

– Со мной все в порядке, – заверила его Вик. – Просто слишком много пробыла на солнце. – Эта фраза показалась ей совсем взрослой.

Хотя на самом деле с ней было далеко не все в порядке. У нее кружилась голова, ноги не переставали трястись. Ей хотелось выйти на улицу, прочь от сомнительного аромата пота Пита, колечек лука и кипящего жира. Ей хотелось, чтобы этот сон закончился.

– Слушай, может быть, тебе дать выпить чего-нибудь холодного? – предложил Пит.

– Спасибо, когда мы заглянули к вам пообедать, я выпила молочный коктейль.

– Если ты и пила молочный коктейль, то точно не здесь, – сказал Пит. – Наверное, в «Макдоналдсе». У нас есть только фраппе[12].

– Мне пора идти, – решительно произнесла Вик.

Развернувшись, она направилась к двери. Обгоревший на солнце Пит проводил ее взглядом, искренне встревоженный, и Вик была ему признательна за сочувствие. Она подумала, что, несмотря на грубые манеры и исходящую от него вонь, Пит человек хороший, из тех, кто будет беспокоиться о судьбе нездоровой на вид девочки, которая оказалась совсем одна в Хэмптон-Бич. Однако Вик не решилась больше ничего ему сказать. Виски и верхняя губа у нее были влажными от болезненного пота, и ей потребовалось приложить много усилий, чтобы унять дрожь в ногах. Левый глаз снова заныл тупой болью. И теперь уже сильнее. Ей становилось все труднее удержать уверенность в том, что это посещение «От Терри» ей только кажется, что она бродит по не очень приятному сну, – это было все равно что схватить скользкую лягушку.

[12] Фраппе – покрытый молочной пеной холодный кофейный напиток.

Выйдя обратно на улицу, Вик быстро пошла по горячему асфальту мимо наклонившихся на стоянке мотоциклов. Открыв калитку в высоком деревянном заборе, она шагнула в переулок позади «Лучших блюд от Терри».

Мост не шелохнулся. Его наружные стены плотно втиснулись между зданиями по обеим сторонам. Смотреть на него было больно. Боль отзывалась у Вик в левом глазу.

У мусорного контейнера стоял повар или мойщик посуды – кто-то из работников кухни. На нем был фартук, испачканный жиром и кровью. Тот, кто увидел бы этот фартук, вряд ли зашел бы пообедать в «От Терри». Это был маленький человечек с жестким лицом и руками с вздувшимися прожилками и обилием татуировок, и он смотрел на мост с выражением, находящимся где-то между возмущением и страхом.

– Это еще что такое, твою мать? – пробормотал работник кухни. Он недоуменно оглянулся на Вик. – Малышка, ты это видишь? Я хочу сказать… твою мать, *что* это такое?

– Это мой мост. Не волнуйтесь, я заберу его с собой, – сказала Вик. Она сама не знала, что имела в виду.

Схватив ве́лик за руль, она развернула его и покатила к мосту. Добравшись в два шага до входа, она поставила ногу на настил.

Переднее колесо подскочило на досках, и Вик погрузилась в наполненную шипением темноту.

Этот звук, дурацкий рев статики, усиливался по мере того, как «Рэли» нес ее по мосту. Пересекая его в предыдущий раз, Вик полагала, что слышит шум реки внизу, однако это было не так. В стенах зияли длинные трещины, и впервые Вик, проносясь мимо, посмотрела в них. Она увидела мелькающий ослепительный свет, словно за стеной стоял самый большой в мире телевизор, настроенный на неработающий канал. Вокруг покосившегося и обветшалого моста бушевала буря, вьюга света. Вик чувствовала, как мост слегка выгибается под действием неудержимого потока, колотящего в стены.

Заноза закрыла глаза, не желая больше ничего видеть, встала на педалях и покатила к противоположному концу. Она снова попыталась прибегнуть к своему похожему на молитву заклинанию – «почти приехала, почти приехала», – однако она задыхалась и не могла долго удержать одну мысль. Остались только ее дыхание и ревущая, неистовая статика, этот нескончаемый водопад звуков, нарастающих в громкости, достигающих сводящей с ума интенсивности, а затем еще больше, и в конце концов Вик захотелось крикнуть: «Хватит!» это слово уже было готово сорваться у нее с уст, «хватит, хватит!», легкие набрали воздух, чтобы крикнуть, но в этот момент ве́лик снова выкатил в

Хаверхилл, штат Массачусетс

Звук оборвался с тихим электрическим хлопком. Вик ощутила этот хлопок у себя в голове, в левом виске, негромкий, но отдавшийся резкой болью взрыв.

Еще до того, как Вик открыла глаза, она поняла, что находится дома – ну, если не дома, то по крайней мере в *своем* лесу. Она поняла, что это ее лес, по запаху сосен и качеству воздуха, прохладному, чистому, отскобленному ощущению, которое ассоциировалось у нее с Мерримаком. Вик слышала шум реки, отдаленный, мягкий, убаюкивающий звук, который не имел ничего общего с треском статики.

Открыв глаза, Вик подняла голову и стряхнула с лица волосы. Лучи вечернего солнца подмигивали сквозь листву неравномерными вспышками. Перестав крутить педали, Заноза нажала на тормоза и опустила ногу на землю.

Оглянувшись, Вик напоследок еще раз посмотрела на мост, ведущий в Хэмптон-Бич. Гадая, сможет ли увидеть повара в грязном фартуке.

Вот только увидеть его она не смогла, потому что мост «Напрямик» исчез. Было ограждение, там, где должен был находиться вход на мост. Далее местность понижалась крутым травянистым склоном, который заканчивался темно-синей полосой реки.

Из бурлящего стремительного потока воды торчали три потрескавшиеся бетонные опоры, имеющие в верхней части форму перевернутой скобки. Это было все, что осталось от моста «Напрямик».

Вик ничего не могла понять. Она же только что проехала по этому мосту, чувствуя запах старого, гнилого, поджаренного на солнце дерева и вонючие нотки испражнений летучих мышей, слыша скрип досок настила под колесами ве́лика.

Левый глаз у нее ныл. Закрыв его, Вик с силой потерла глазницу ладонью и снова открыла глаз, и на какое-то мгновение ей показалось, что мост по-прежнему там. Она увидела – или ей показалось, что она увидела, – что-то вроде остаточного изображения моста, белое сияние в форме моста, простирающееся до самого противоположного берега.

Однако это остаточное изображение продержалось недолго, из левого глаза потоком хлынули слезы, а Вик слишком устала, чтобы размышлять долго над тем, что произошло с мостом. Еще никогда в жизни ей не хотелось так оказаться дома, у себя в комнате, в своей постели, под чистой белой простыней.

Вик снова села на свой ве́лик, но, проехав всего несколько ярдов, остановилась. Она слезла с «Тафф бёрнера» и покатила его, опустив голову, рассыпав волосы, мамин браслет свободно болтался на потном запястье. Вик практически его не замечала.

Она прокатила ве́лик по пожелтевшей траве заднего двора, мимо игровой площадки, где уже больше не бывала, цепи качелей покрылись коркой ржавчины. Бросив «Рэли» на дорожке, Вик вошла в дом. Она хотела пройти к себе в комнату, хотела лечь и отдохнуть. Но, услышав на кухне негромкий *треск,* отклонилась от курса, чтобы выяснить, кто там.

Это был отец, он стоял спиной к двери, в руке бутылка крепкого австрийского рома. Другую руку отец держал под краном, подставляя костяшки пальцев струе холодной воды.

Вик не могла точно сказать, как долго отсутствовала. От часов на духовке не было никакого толка. Они мигали, снова и снова показывая: «12:00», словно их только что сбросили. Света также не было, на кухне крепла вечерняя прохлада.

– Папа! – окликнула Вик слабым голосом, который сама не узнала. – Сколько сейчас времени?

Бросив взгляд на духовку, отец покачал головой.

– Черт побери, не знаю. Электричество вырубило минут пять назад. По-моему, вся улица… – Но затем он оглянулся на Вик и вопросительно поднял брови. – В чем дело? Что с тобой? – Выключив воду, отец схватил тряпку, чтобы вытереть руку. – Вид у тебя неважный.

Вик рассмеялась, натянуто, невесело.

– То же самое сказал Пит. – Ей показалось, собственный голос доносится откуда-то издалека – из противоположного конца длинного тоннеля.

– Какой такой Пит?

– Пит из Хэмптон-Бич.

– Вик!

– У меня все в порядке. – Вик попыталась сглотнуть подступивший к горлу клубок, но не смогла. Ей до боли хотелось пить, хотя она сама не догадывалась об этом до тех пор, пока не увидела отца со стаканом холодной воды в руке. Закрыв на мгновение глаза, Вик увидела запотевший стакан розового грейпфрутового сока, и от этого образа все клеточки ее тела почувствовала мучительную жажду.

– Мне просто хочется пить. У нас есть сок?

– Извини, малыш. Холодильник совсем пустой. Мама еще не ходила за продуктами.

– Она прилегла?

– Не знаю, – сказал отец. Он не добавил: «И мне все равно», однако это почувствовалось по его тону.

– А-а, – протянула Вик, стаскивая с руки браслет и кладя его на стол. – Когда мама вернется, скажешь ей, что я нашла ее браслет.

Захлопнув дверцу холодильника, отец обернулся. Его взгляд скользнул по браслету, затем снова вернулся к дочери.

– Где?..

– В машине. Между сиденьями.

На кухне потемнело, словно солнце скрылось за сплошными черными тучами. Вик пошатнулась.

Отец приложил тыльную сторону ладони ей ко лбу – в этой руке он держал банку пива. Он уже успел ободрать обо что-то костяшки пальцев.

– Господи, Заноза, да ты же просто горишь! Эй, Лин!

– Все в порядке, – заверила его Вик. – Я просто полежу минутку.

Она не собиралась лечь прямо *здесь,* прямо *сейчас.* План заключался в том, чтобы пройти в свою комнату и растянуться под потрясным новым плакатом с Дэвидом Хассельхоффом, – однако ноги подогнулись, и она свалилась. Отец успел подхватить ее, прежде чем она упала на пол. Он подхватил ее, одна рука под ногами, другая – под спиной, и вынес в коридор.

– Лин! – снова окликнул жену Крис Маккуин.

Линда появилась из своей спальни, прижимая к уголку губ влажный носовой платок. Ее светло-каштановые волосы были растрепаны, а взгляд расфокусирован, словно она крепко спала. Когда она увидела Занозу на руках у мужа, ее взгляд сразу же стал осмысленным.

Мать встретила их у двери в комнату Вик. Протянув руку с тонкими длинными пальцами, она смахнула со лба дочери волосы и приложила к нему ладонь. Ладонь ее была холодной и гладкой, и от этого прикосновения по всему телу Вик разлилась дрожь, порожденная наполовину болезнью, наполовину удовольствием. Ее родители больше не злились друг на друга, и если бы она знала, что для того, чтобы их помирить, ей достаточно просто заболеть, она не стала бы гонять на велике через мост за браслетом, а просто засунула бы себе в горло два пальца.

– Что с ней случилось?

– Она свалилась в обморок, – сказал Крис.

– Нет, не свалилась! – возразила Заноза.

– Температура за сотню[13], и валится с ног, и она еще хочет со мной спорить! – с нескрываемым восхищением произнес отец.

Мать отняла от губ носовой платок.

– Солнечный удар. Три часа в машине, затем по улице на велике, голова не прикрыта, и весь день ничего не пила, кроме того поганого молочного коктейля в «От Терри».

– Фраппе, – поправила Вик. – В «От Терри» это называют фраппе. Ты поранила губы.

Мать облизнула уголок распухших губ.

– Я принесу стакан воды и ибупрофен. Нам обеим нужно выпить по таблетке.

– Будешь на кухне – захвати свой браслет, – бросил ей вдогонку Крис. – Он на столе.

Линда успела сделать пару шагов, прежде чем до нее дошло то, что сказал муж. Она оглянулась. Крис Маккуин стоял в дверях комнаты Вик, держа дочь на руках. Вик был виден Дэвид Хассельхофф, над кроватью, улыбающийся, казалось, едва сдерживающий желание подмигнуть: «У тебя классно получилось, малыш!»

– Он лежал в машине, – добавил Крис. – Его нашла Заноза.

[13] По Фаренгейту; почти 38 °С.

Дом

Вик спала.

Сны ее представляли собой бессвязное мелькание неподвижных картинок: противогаз на бетонном полу, дохлая собака с размозженной головой на обочине, лес высочайших сосен, увешанных слепыми белыми ангелами.

Последнее зрелище было таким жизненным и загадочно ужасным – черные деревья высотой шестьдесят футов, качающиеся на ветру подобно одурманенным наркотиками участникам какого-то языческого ритуала, на ветвях искрящиеся и сверкающие ангелы, – что Вик захотелось закричать.

Она попыталась закричать, но не смогла выдавить из глотки ни звука. Ее придавила удушливая лавина бесплотных теней, целая гора мягкого, воздушного вещества. Вик силилась выкарабкаться из-под нее, отчаянно разгребая руками, судорожно брыкаясь, задействовав всю свою гневную, жилистую силу, затем внезапно она обнаружила, что сидит в кровати, все ее тело покрыто липким по'том. Отец сидел рядом, на краешке матраса, держа ее за запястья.

– Вик, – сказал он. – Вик! Успокойся. Ты только что отвесила мне такую затрещину, что у меня голова пошла кру'гом.

– Ой! – смущенно пробормотала Заноза. Отец отпустил ее, и она бессильно уронила руки. – Извини!

Зажав подбородок большим и указательным пальцами, отец поводил его из стороны в сторону.

– Ничего страшного. Наверное, я это заслужил.

– За что?

– Не знаю. За что-нибудь. У всех есть свои грехи.

Подавшись вперед, Вик чмокнула отца в небритый подбородок, и тот улыбнулся.

– Лихорадка прошла, – сказал он. – Тебе стало лучше?

Вик пожала плечами. Наверное, теперь с ней все было хорошо, когда она выбралась из-под огромной груды черных одеял, прочь от приснившегося леса злобных рождественских деревьев.

– Ты была сама не своя, – продолжал отец. – Слышала бы ты свой бред!

– Что я говорила?

– В какой-то момент ты кричала, что летучие мыши вылетели из моста, – сказал отец. – Я подумал, ты имела в виду колокольню.

– Да. Я хочу сказать… нет. Нет, наверное, я говорила про мост. – На какое-то время Вик начисто забыла про мост «Напрямик». – Папа, что случилось с мостом?

– С каким мостом?

– Который зовут «Напрямик». Со старым крытым мостом. Он бесследно исчез.

– А, – сказал отец. – Я слыхал, какой-то придурок попытался проехать по мосту на своей машине и свалился вниз. Погиб сам и обвалил вслед за собой почти весь мост. То, что осталось, разобрали. Вот почему я говорил тебе, что не хочу, чтобы ты туда ходила. Этот проклятый мост следовало разобрать еще двадцать лет назад.

Вик поежилась.

– Ты только посмотри на себя! – заметил отец. – Уставшая как собака!

Вик вспомнила сон, явившийся ей в лихорадке, про собаку с размозженной головой, и окружающий мир сначала прояснился, затем померк.

Когда зрение снова к ней вернулось, отец прижимал ей к груди пластмассовое ведерко.

– Если тебе хочется что-нибудь из себя исторгнуть, – сказал он, – поднатужься и сплюнь в ведерко. Господи, я больше никогда не поведу тебя в этот долбаный «От Терри»!

Вспомнив запах пота Пита и ленты, облепленные дохлыми мухами, Вик ощутила прилив тошноты. Ее вырвало.

Отец унес ведерко с блевотиной, а вернулся со стаканом воды со льдом.

Вик выпила в три глотка половину. Вода оказалась такой холодной, что ее снова охватила зябкая дрожь. Крис опять укутал дочь одеялами и, положив руку ей на плечо, сел рядом, дожидаясь, когда пройдет озноб. Он не шевелился. Ничего не говорил. Вик стало спокойнее только от того, что отец сидел рядом, делясь с ней своим непринужденным, уверенным молчанием, и незаметно для себя она поймала себя на том, что соскальзывает в сон. Соскальзывает в сон… а может быть, едет на велике. Закрыв глаза, Вик чувствовала, будто снова катится на своем «Тафф бёрнере», легко погружаясь в темноту и приносящую отдохновение тишину.

Однако, когда отец встал, собираясь уходить, Вик еще оставалась в сознании и почувствовала это; протестующе застонав, она протянула руку, пытаясь его остановить. Отец ускользнул от нее.

– Отдыхай, Вик, – прошептал он. – Пройдет совсем немного времени, и мы снова посадим тебя на твой ве́лик.

Вик засыпа'ла.

Отцовский голос донесся откуда-то издалека.

– Жаль, что «Напрямик» разобрали, – пробормотал отец.

– Я думала, мост тебе не нравится, – сказала Вик, переворачиваясь и отодвигаясь от него, отпуская его, позволяя ему уйти. – Я думала, ты до смерти боишься, что я прокачусь по нему на своем велике.

– Совершенно верно, – подтвердил отец. – Я до смерти *боялся.* Мне жаль, что мост разобрали без меня. Если бы его решили взорвать ко всем чертям, я бы попросил, чтобы мне дали заложить взрывчатку. Этот мост всегда был смертельной ловушкой. Все понимали, что рано или поздно он кого-нибудь убьет. Я очень рад, что это произошло не с тобой. Ну всё, засыпай, моя коротышка!

Различные места

Через несколько месяцев про случай с потерянным браслетом забыли, а когда Вик вспоминала об этом, ей казалось, будто она нашла браслет в машине. Она старалась не думать про мост «Напрямик». Воспоминания о поездке по мосту были обрывочными, приобретя эффект галлюцинации, и стали неотделимы от приснившегося ей сна про черные деревья и дохлых собак. Не было ничего хорошего в том, чтобы вызывать их в памяти, поэтому Вик запихнула их подальше в сейф своего сознания, заперла так, чтобы больше не видеть, и забыла про них.

Так же в точности она поступила и со всеми другими разами.

Поскольку другие разы *были* – были другие поездки на «Рэли» по мосту, которого нет, чтобы найти то, что было потеряно.

Был тот раз, когда подруга Вик Вилла Лордс потеряла мистера Пентака, своего плюшевого пингвина, приносящего удачу. Как-то раз, когда Вилла ночевала дома у Вик, ее родители навели порядок у нее в комнате, и Вилла была уверена в том, что мистер Пентак отправился в мусорный бак вместе с игрушечным телефоном и неработающей световой мозаикой. Горе Виллы было таким безутешным, что она не пришла в школу на следующий день – и через день.

Однако Вик все исправила. Как оказалось, Вилла захватила мистера Пентака с собой, когда ночевала у нее. Вик нашла плюшевого пингвина под кроватью у себя в комнате, вместе с комками пыли и забытыми носками. Трагедии удалось избежать.

Вик определенно *не верила* в то, что нашла мистера Пентака, сев на свой «Рэли» и проехав по лесу Питтман-стрит до того места, где когда-то стоял мост «Напрямик». Она не верила в то, что мост ждал ее там, и в то, что она видела надпись на стене, зеленой краской из баллончика: «Боулинг “Фенвей” →». Вик не верила в то, что мост был заполнен треском статического электричества, а за щелями в стенах из сосновых досок плясали и носились таинственные огни.

У нее в подсознании сохранилась картина того, как она выехала из моста прямиком в полумрак боулинга, пустынного в семь часов утра. Крытый мост, хоть это абсурдно, торчал прямо из стены, и сразу же за ним начинались дорожки. Это место было Вик знакомо. Две недели назад она была здесь на празднике по случаю дня рождения; Вилла также там была. Пол из сосновых досок блестел, чем-то натертый, и ве́лик Вик скользнул по нему, словно кусок масла по раскаленной сковородке. Свалившись с него, она больно ударилась локтем. Мистер Пентак лежал в корзине забытых вещей за стойкой, под полками с обувью для боулинга.

Все это было лишь сказкой, которую Вик рассказала себе ночью, после того как нашла мистера Пентака под кроватью. В ту ночь ей стало плохо, жар и липкий пот, с сухим кашлем, а сны были яркими и неестественными.

Ободранный локоть зажил через пару дней.

Когда Вик было десять лет, она нашла отцовский бумажник, завалившийся за подушки дивана, а вовсе *не* на строительной площадке в Эттлборо. После этого левый глаз у нее болел несколько дней, словно ее ударили кулаком.

В одиннадцать лет чета де Зоет, жившая напротив, потеряла своего кота. Тейлор был тощим и ободранным, белым с черными пятнами. Он куда-то ушел прямо перед летним ливнем и так и не вернулся. Утром на следующий день миссис де Зоет ходила взад и вперед по улице, чирикая, словно птичка, окликая Тейлора по имени. Мистер де Зоет, похожий на пугало мужчина в галстуке-бабочке и подтяжках, стоял во дворе с граблями, ничего ими не сгребая, и в его бледных глазах была полная беспомощность.

Особенно нравился Вик мистер де Зоет, со странным акцентом, как у Арнольда Шварценеггера, у которого в кабинете было миниатюрное поле сражения. От мистера де Зоета пахло свежесваренным кофе и трубочным табаком, и он давал Вик раскрашивать своих пластмассо-

вых солдатиков. Кот Тейлор Вик тоже нравился. Когда он урчал, у него в груди раздавался ржавый скрежет, словно там шумно оживал старый механизм с шестеренками.

Тейлора больше никто не видел… хотя Вик рассказала себе сказку про то, как проехала по мосту «Напрямик» и обнаружила беднягу в мокрой траве на обочине шоссе, окровавленного, покрытого копошащимися мухами. Коту удалось каким-то образом отползти с проезжей части после того, как его сбила машина. Заноза смогла разглядеть на асфальте следы крови.

Вик начинала ненавидеть треск статики.

Пикантная угроза
1990 год

Шугаркрик, штат Пенсильвания

Объявление было на последних страницах журнала «Пикантная угроза», номер за август 1949 года, на обложке изображена кричащая обнаженная красотка, замороженная в глыбе льда («Она встретила его холодно… поэтому он заморозил ее по-настоящему!»). Всего один столбец, под крупной рекламой лифчиков «Абола» («*Аболаденно* подчеркивают фигуру!»). Бинг Партридж обратил на него внимание только после того, как долго и задумчиво разглядывал дамочку на рекламе «Аболы», женщину с пышными молочно-белыми сиськами, втиснутыми в лифчик с конусообразными чашечками с металлическим отливом. Глаза у дамочки были закрыты, рот слегка приоткрыт, поэтому в целом создавалось впечатление, что она спит и видит сладкие сны, и Бинг воображал, как будит ее поцелуем.

– Бинг с «Аболой» целый день, – произнес нараспев он, – ТРАХАЮТСЯ! Им не лень.

Бинг находился в своем укромном закутке в подвале, штаны спущены, задница на пыльном бетоне. Свободная рука находилась более или менее именно там, где вы ее представили, но пока что еще не занималась делом. Бинг рассматривал журнал, выискивая лучшие моменты, когда наткнулся на это объявле-ние, маленький блок в нижнем левом углу страницы. Снеговик с цилиндром на голове указывал согнутой рукой на строчку текста, обрамленную снежинками.

Бингу нравились объявления на последних страницах глянцевых журналов: реклама жестяных коробок с солдатиками («Воспроизведи битву при Вердене!»), реклама снаряжения, оставшегося после Второй мировой войны («Штыки! Винтовки! Противогазы!»), предложения книг, которые научат, как делать так, чтобы женщины тебя хотели («Научи ее говорить: “Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!”»). Он частенько вырезал бланки заказов и отправлял их вместе с монетками и грязными однодолларовыми бумажками в надежде получить муравьиную ферму или металлоискатель. Бинг хотел, всем своим сердцем, Произвести Впечатление на Своих Друзей! и Поразить Своих Родителей! – и не важно, что из друзей у него были разве что три недоумка, работающих вместе с ним уборщиками в компании «Норт-хим-фарм», а его родители вернулись в землю, на кладбище за молельным домом Новой американской веры. Бинг никогда не задумывался над тем, что отцовская подшивка порнографических журналов – покрывающихся плесенью в картонной коробке в укромном закутке Бинга – была старше него, и большинство корпораций, которым он посылал деньги, давным-давно прекратили свое существование.

Однако когда Бинг прочитал, а затем перечел объявление про эту Страну Рождества, он испытал эмоциональный отклик совершенно другого порядка. Его необрезанный член, пахнущий дрожжами, обмяк в левой руке, начисто забытый. Душа Бинга превратилась в колокольню, в которой разом зазвонили все колокола.

Бинг понятия не имел, что такое эта Страна Рождества и где она находится, он никогда о ней не слышал. Однако он сразу же почувствовал, что хотел попасть туда всю свою жизнь… пройтись по ее мощенным брусчаткой улицам, прогуляться под похожим на стебли сахарного тростника фонарными столбами, поглазеть на визжащих от восторга детишек, крутящихся на веселой карусели.

«Что бы вы отдали за пожизненный пропуск туда, где утро каждого дня – это утро Рождества?» – кричало объявление.

У Бинга за плечами было уже сорок два Рождества, однако, когда он думал про утро Рождества, оставалось только одно, стоящее обиняком от всех остальных. В его воспоминаниях о Рождестве мать доставала из духовки сладкие булочки в форме рождественских елок, и весь дом наполнялся ароматом ванили. Это было за много лет до того, как Джон Партридж получил здоровенный шуруп в лобную долю; и в то утро он сидел на полу вместе с Бингом, внимательно наблюдая за тем, как тот вскрывает упаковку подарков. Лучше всего Бингу запомнился последний подарок: большая коробка с резиновым противогазом и помятой каской, с ржавчиной в тех местах, где облупилась краска.

– Ты видишь перед собой то снаряжение, которое сохранило мне жизнь в Корее, – сказал отец. – Теперь оно твое. Этот противогаз – для трех косоглазых, гниющих в земле, он стал последним, что они увидели в своей жизни.

Натянув маску противогаза, Бинг посмотрел сквозь прозрачные пластмассовые стекла на своего отца. С надетой на лицо маской он увидел гостиную как маленький мирок, запертый внутри автомата, торгующего жевательной резинкой. Водрузив Бингу на макушку каску, отец торжественно отдал ему честь.

– Теперь ты один из нас, – объявил Джон Партридж. – Маленький солдат, о котором говорят все. Мистер Неудержимый. Рядовой На Всё Насрать. Правильно?

– Так точно, сэр! – ответил Бинг. – Рядовой На Всё Насрать готов к службе!

Издав резкий, нервный смешок, мать с укором промолвила:

– Джон, следи за своим языком! Особенно сегодня, в Рождественское утро. Это день, когда мы встречаем на земле нашего Спасителя!

– Ох уж эти маменьки, – сказал Джон Партридж своему сыну, после того как мать Бинга оставила им сладкие булочки и отправилась на кухню варить какао. – Если им дать волю, они всю жизнь будут кормить тебя из сиськи. Разумеется, если хорошенько подумать… что в этом плохого? – И он подмигнул.

А снаружи валил снег, большими хлопьями, похожими на гусиные перья, и они весь день не выходили из дома, Бинг не снимал каску и противогаз, играя в войну, он снова и снова стрелял в своего отца, а Джон Партридж снова и снова умирал, падая из кресла перед телевизором. Один раз Бинг также убил и свою мать, и та послушно скосила глаза и обмякла, и оставалась мертвой почти всю рекламную паузу. Ожила она только после того, как Бинг снял противогаз и чмокнул ее в лоб. Тогда мать улыбнулась и сказала: «Благослови тебя господь, маленький Бинг Партридж! Я люблю тебя больше всех на свете!»

На что был готов пойти Бинг, чтобы чувствовать себя так каждый день? Чувствовать, будто на дворе утро Рождества, а под елкой его ждет настоящий противогаз с войны в Корее? Видеть, как его мать снова медленно открывает глаза и говорит: «Я люблю тебя больше всех на свете»? На самом деле вопрос нужно было ставить так: на что он *не был готов* пойти?

Шаркающей походкой Бинг сделал три шага к двери, прежде чем спохватился и натянул штаны.

Когда муж больше уже не мог работать, мать Бинга взяла на себя обязанности секретарши в церкви, и в кладовке до сих пор хранилась ее электрическая пишущая машинка «Оливетти». Буква О на клавиатуре отвалилась, но Бинг знал, что вместо нее можно использовать цифру 0. Вставив в машинку лист бумаги, он начал печатать:

Д0р0гие XXXXX уважаемые владельцы XXXX Страны Р0ждества!

Я 0твечаю на ваше 0бъявление в журнале «Пикантная угр0за». Х0тел бы я раб0тать в Стране Р0ждества? А Т0 КАК ЖЕ! У меня 0пыт 18 лет раб0ты в «Н0рт-хим-фарм», Шугаркрик, штат Пенсильвания, и 12 из них я был XXXX начальник0 м склада. В м0и 0бязанн0сти вх0дит хранение и 0тгрузка сжатых газ0в, таких как кисл0р0д, в0д0р0д, гелий и сев0флуран. И знаете, ск0льк0 был0 пр0исшествий за м0ю смену? НИ 0ДН0Г0!

На чт0 я г0т0в п0йти, чт0бы Р0ждеств0 был0 каждый день? К0г0 мне над0 ради эт0г0 УБИТЬ – ха-ха-ха! Я мыл зас0ренные туалеты, п0лные XXXXX сами п0нимаете чего, 0ттирал м0чу с0 стен и десятками травил крыс. Вы ищете т0г0, кт0 не б0ится испачкать руки? Считайте, ваши п0иски зак0нчены!

Я т0 т, кт0 вам нужен: инициативный чел0 век, к0т0рый любит детей и не б0ится трудн0стей. Мн0г0г0 я не пр0шу: мне нужна т0лькo х0р0шая раб0та. Раб0та 0хранник0 м меня п0лн0стью устраивает. Буду с вами честен: 0дн0 время я надеялся служить нашей д0р0г0й р0дине в в0енн0й ф0рме, как м0й 0тец служил в в0йну в К0рее, н0 мне не п0зв0лили к0е-какие грехи м0л0д0сти и семейные неурядицы. Ну да ладн0, НИКАКИХ жал0б! П0верьте, если бы я см0 г надеть ф0рму службы без0пасности Страны Р0ждества, я счел бы эт0 за честь! У меня есть к0ллекция п0длинных армейских вещей. У меня есть св0й с0бственный рев0львер, и я умею им п0льз0ваться.

В заключение надеюсь, вы свяжетесь с0 мн0й п0 указанн0му ниже адресу. Я беск0нечн0 предан и г0т0в УМЕРЕТЬ ради так0й в0зм0жн0сти. Нет НИЧЕГ0 так0г0, на чт0 я не п0йду, чт0бы п0лучить место в штате Страны Р0ждества.

Примите мои п0здравления с XXXXX!

Бинг Партридж
БИНГ ПАРТРИДЖ
БЛОК-ЛЕЙН, 25
ШУГАРКРИК, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 16323

Достав лист из машинки, Бинг прочитал письмо, шевеля губами. От усилия, которое потребовалось ему, чтобы сосредоточиться, его рыхлое тело, похожее на клубень картошки, покрылось горячим по'том. Бинг пришел к выводу, что изложил все факты о себе четко и точно. У него возникли сомнения, правильно ли он поступил, упомянув про «грехи молодости» и «семейные неурядицы», но в конце концов он решил, что все равно про его родителей узна'ют, скажет он или нет, и лучше будет выложить все самому, чтобы никто не подумал, будто он хочет что-то скрыть. Все это случилось давным-давно, и все те годы, прошедшие с тех пор, как его освободили из подростковой колонии – она же «мусорное ведро», – он был образцовым работником и не пропустил без уважительной причины ни одного дня в «Норт-хим-фарм».

Сложив письмо, Бинг заглянул в шкаф в поисках конверта. Вместо конверта он нашел коробку с чистыми рождественскими открытками. Мальчик и девочка в длинных ночных рубашках выглядывали из-за угла, широко раскрыв глаза от изумления при виде Санта-Клауса, стоящего в полумраке перед рождественской елкой. Джон Партридж как-то сказал, что его сын не сможет налить воды из сапога, если инструкции будут написаны на подошве, и, возможно, так оно и было, все-таки Бинг разбирался, где хорошая вещь, а где плохая. Свое письмо он вложил в рождественскую открытку, а открытку положил в конверт, украшенный листьями падуба и яркими ягодами клюквы.

Прежде чем опустить конверт в почтовый ящик в конце улицы, Бинг поцеловал его, как священник, склонив голову, почтительно целует Библию.

На следующий день Бинг ждал у почтового ящика, когда в половине третьего на улице появился почтальон в своем забавном маленьком белом пикапе. Разноцветные цветы-вертушки из фольги у Бинга во дворе лениво вращались, издавая едва слышное жужжание.

– Бинг, – спросил почтальон, – а что это ты не на работе?

– Ночная смена, – ответил Бинг.

– Что, начинается война? – продолжал почтальон, указывая на его одежду.

Бинг был в армейском камуфляже горчичного цвета, который надевал тогда, когда хотел приманить к себе везение.

– Если война начнется, я к ней готов, – ответил Бинг.

От Страны Рождества не было ничего. Но разве могло быть иначе? Свое письмо он ведь отправил только накануне.

На следующий день также ничего не было.

Как и на следующий.

В понедельник Бинг почувствовал уверенность в том, что *обязательно* что-нибудь придет, и стоял на крыльце своего дома за полчаса до того времени, когда обыкновенно приезжал почтальон. Над гребнем холма, за шпилем молельного дома Новой американской веры сгущались омерзительно черные грозовые тучи. На удалении двух миль прогремел приглушенный взрыв грома. Это был не столько звук, сколько вибрация, проникшая Бингу в самую глубь, от которой в студнеобразном слое окружающего жира содрогнулись его кости. Цветы-вертушки бешено закрутились, издавая такой звук, будто ватага подростков неслась на велосипедах вниз по склону, забыв обо всем.

От всего этого треска и грохота Бингу стало не по себе. Такая же невыносимо жаркая грозовая погода стояла в тот день, когда случайно выстрелил строительный пистолет (именно так думал о нем Бинг – не как о дне, когда он застрелил своего отца, а о дне, когда случайно выстрелил строительный пистолет). Почувствовав прижатое к левому виску дуло, отец искоса взглянул на склонившегося над ним Бинга. Отхлебнув глоток пива, он облизнул губы и сказал: «Если бы я не знал, что у тебя кишка тонка, я бы испугался».

После того как Бинг нажал на спусковой крючок, он сидел рядом со своим стариком и слушал, как дождь барабанит по крыше гаража, а Джон Партридж растянулся на полу, одна нога судорожно дергалась, а под штанами расплывалась лужица мочи. Бинг сидел так до тех пор, пока в гараж не заглянула мать и не начала кричать. Тогда настал ее черед – но только теперь дело уже обошлось без строительного пистолета.

И вот теперь Бинг стоял во дворе и смотрел, как тучи сгущаются в небе над церковью на гребне холма, там, где мать проработала последние дни своей жизни… в церкви, которую Бинг прилежно посещал каждое воскресенье, с тех пор, когда еще не умел ни ходить, ни говорить. Одним из первых его слов было «луйя!» – только так он и мог произнести «аллилуйя». Посему мать еще долгие годы звала его Луйей.

Теперь в этой церкви больше уже никто не молился. Пастор Митчелл сбежал с замужней женщиной, прихватив все деньги, а недвижимость забрал за долги банк. По воскресеньям единственными кающимися в молельном доме Новой американской веры были голуби, живущие под крышей. Церковь внушала Бингу страх – ее пустота его пугала. Ему казалось, что церковь презирает его за то, что он отвернулся от нее и отвернулся от бога, казалось, что она порой наклоняется, оторвавшись от своего фундамента, чтобы бросить на него гневный взгляд своими глазами-витражами. Бывали дни – такие как сегодня, например, – когда леса наполнялись безумными голосами летних насекомых и воздух бурлил жидким зноем, а церковь, казалось, приобретала *зловещие* очертания.

Первый раскат грома прогромыхал ближе к вечеру.

– Дождь, дождь, уходи! – прошептал себе под нос Бинг. – И меня ты не мочи!

Первая теплая дождевая капля шлепнулась ему на лоб. За ней последовали другие, ослепительно горя в ярких лучах солнца, косящихся в просвет голубого неба на западе. Они казались горячими, словно брызги крови.

Почта запаздывала, и к тому времени, как почтовый пикап появился на улице, промокший насквозь Бинг прятался под навесом у входной двери. Не обращая внимания на ливень, он бросился к почтовому ящику. Когда Бинг до него добежал, из туч вырвалась ветвящаяся молния, с громким треском ударив где-то позади церкви. Окружающий мир озарился бело-голубой вспышкой, и Бинг пронзительно вскрикнул, уверенный в том, что молния пронзит его насквозь, испепелив живьем, направленная перстом господа бога за то, что он выстрелил в своего отца из строительного пистолета, и за то, что сделал потом со своей матерью на полу в кухне.

В почтовом ящике были счет за коммунальные услуги и рекламная листовка нового мебельного магазина – и больше ничего.

Девять часов спустя Бинг проснулся у себя в кровати под трепетный звук скрипок и голос мужчины, такой гладкий и нежный, как ванильный крем на пирожном. Это был его тезка Бинг Кросби[14]. Мистер Кросби мечтал о белом Рождестве, таком же, какое сохранилось в памяти у Бинга.

Натянув одеяло до подбородка, Бинг внимательно слушал. К песне примешивался негромкий скрежет иголки по винилу.

Встав с кровати, Бинг прокрался к двери, ступая босыми ногами по холодному полу.

В гостиной танцевали его родители. Отец, в камуфляже горчичного цвета, повернулся к Бингу спиной. Мать положила голову мужу на плечо, глаза у нее были закрыты, а рот приоткрыт, словно она танцевала во сне.

Подарки стояли под приземистой, неказистой елкой, украшенной дешевой мишурой: три помятых баллона с севофлураном, украшенных алыми бантиками.

Родители повернулись, описывая медленный круг, и Бинг увидел, что его отец в противогазе, а мать голая. И она действительно спала. Ее ноги безвольно скользили по полу. Отец крепко обнимал ее за талию, его руки в перчатках вцепились ей в рельефные белые ягодицы. Голая материнская задница, бледная как луна, светилась, словно небесное тело.

– Папа! – окликнул Бинг.

Продолжая танцевать, его отец отвернулся, увлекая за собой мать Бинга.

– СПУСКАЙСЯ ВНИЗ, БИНГ! – раздался низкий раскатистый голос, такой громкий, что в шкафу зазвенела фарфоровая посуда. Бинг испуганно вздрогнул, сердце у него в груди дало осечку. Иголка проигрывателя, подпрыгнув на пластинке, перескочила почти на самый конец песни. – СПУСКАЙСЯ ВНИЗ! ПОХОЖЕ, РОЖДЕСТВО В ЭТОМ ГОДУ НАСТУПИЛО РАНЬШЕ, НЕ ТАК ЛИ? ХО-ХО-ХО!

Бингу захотелось закрыться у себя в комнате и захлопнуть за собой дверь. Также захотелось зажмуриться и зажать уши, однако он не смог найти в себе сил, чтобы сделать то или другое. Он струсил при мысли о том, что нужно будет сделать хотя бы еще один шаг, однако ноги сами собой понесли его вперед, мимо елки и баллонов с севофлураном, мимо отца и матери, по коридору к входной двери. Она распахнулась еще до того, как Бинг взялся за дверную ручку.

Разноцветные вертушки во дворе мягко крутились в зимней ночи. Бинг получал по одному цветку каждый год работы в «Норт-хим-фарме» – подарки сотрудникам, вручаемые на ежегодном корпоративном празднике.

Страна Рождества ждала на улице. Американские горки громыхали и гудели, дети в вагончиках кричали и вскидывали руки в зимнюю ночь. На фоне незнакомых звезд вращалось

[14] Кросби, Гарри Лиллис (1903–1977) – американский певец и актер, один из самых успешных исполнителей в истории США. Его рождественский шлягер «Белое Рождество» занесен в книгу рекордов Гиннеса как самая продаваемая пластинка всех времен.

огромное колесо обозрения «Арктический глаз». На рождественской елке высотой с десятиэтажное здание и шириной с дом Бинга были зажжены все свечи.

– С РОЖДЕСТВОМ, БИНГ, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, СУМАСШЕДШИЙ СУКИН СЫН! – раскатисто прогремел громоподобный голос, и Бинг, подняв взгляд на небо, увидел, что у луны есть лицо. Одинокий выпученный глаз, налитый кровью, взирающий с высушенного черепа, обтянутого кожей, – пейзаж из кости и кратера. Лицо усмехнулось. – СУМАСШЕДШИЙ УБЛЮДОК, ТЫ ГОТОВ К ГЛАВНОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ ВСЕЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Бинг уселся в кровати, сердце стиснуто в груди, – теперь проснувшись по-настоящему. Он вспотел так сильно, что промокшая насквозь пижама прилипла к телу. Бинг смутно отметил, что член у него вонзился в штаны, отвердев до такой степени, что стало больно.

Бинг сделал судорожный вдох, словно он не проснулся, а *вынырнул* на поверхность, пробыв много времени под водой.

Комната была наполнена холодным, бледным словно кость светом безликой луны.

Бинг жадно глотал воздух почти полминуты, прежде чем сообразил, что по-прежнему слышит «Белое Рождество». Песня проследовала за ним из сна. Она доносилась издалека и, казалось, быстро затихала, и Бинг понял, что если не поспешит посмотреть, то вскоре песня закончится, а завтра он уже будет уверен в том, что она ему причудилась. Встав, Бинг нетвердой походкой подошел к окну и выглянул во двор.

В конце квартала уезжала прочь старинная машина, черный «Роллс-Ройс» с подножками и хромированными деталями. Вспыхнувшие красным светом тормозные огни осветили номерной знак: NOS4A2. После чего машина завернула за угол и скрылась из виду, унося с собой веселые звуки Рождества.

«Норт-хим-фарм»

Бинг почувствовал, что приедет человек из Страны Рождества, задолго до того, как появился Чарли Мэнкс и предложил ему прокатиться вместе с ним. Бинг также знал, что человек из Страны Рождества будет не таким, как все остальные люди, и что работа в службе безопасности Страны Рождества будет не похожа на всю другую работу, и в этом отношении он не был разочарован.

Бинг знал все это благодаря своим снам, которые казались ему более жизненными и реальными, чем все то, что происходило с ним во время бодрствования. Во сне он не мог шагнуть в Страну Рождества, однако он видел ее из окон и двери своего дома. Он чувствовал запахи перечной мяты и какао, видел горящие свечи на рождественской елке высотой с десятиэтажный дом, слышал, как стучат и громыхают вагончики на старых деревянных американских горках. И еще он слышал музыку и слышал крики детей. Если не знать, что к чему, можно было подумать, что их потрошат живьем.

Бинг знал это благодаря своим снам, но также благодаря *машине.* В следующий раз он увидел ее, когда был на работе, на погрузочной площадке. Какие-то подростки испохабили заднюю стену здания, нарисовали краской из баллончиков большой черный член с яйцами, извергающий черную сперму на два больших красных шара, которые могли быть сиськами, однако Бингу казались елочными украшениями. Он был в защитном прорезиненном комбинезоне и промышленном противогазе с ведром разведенной щелочи и оттирал краску со стены металлической щеткой.

Бинг любил работать со щелочью, любил смотреть, как она растворяет краску. Денис Лури, парень, страдающий аутизмом, который работал в утреннюю смену, утверждал, что с помощью щелочи можно растворить человеческое тело, превратив его в слизь. Как-то раз Денис Лури и Бинг положили в ведро со щелочью дохлую крысу и оставили ее на ночь, а на следующее утро в ведре не осталось ничего, кроме полупрозрачных костей, совершенно не похожих на настоящие.

Бинг отошел от стены, чтобы насладиться своей работой. Яйца практически полностью исчезли, обнажив голую кирпичную кладку; оставались только большой черный член и сиськи. Глядя на стену, Бинг увидел, совершенно внезапно, как появилась его тень, резкая, четко обозначенная на грубом кирпиче.

Он обернулся, и у него за спиной был черный «Роллс-Ройс»: машина стояла за оградой из проволочной сетки, светя на Бинга своими высоко расположенными, близко посаженными фарами.

Можно всю свою жизнь смотреть на птиц и не разбираться в том, где воробей, а где дрозд, однако каждый, увидев лебедя, узнает его. Может быть, кто-то не отличит «Понтиак» от «Шевроле», но, увидев «Роллс-Ройс», каждый поймет, что это за машина.

Увидев «Роллс-Ройс», Бинг улыбнулся, чувствуя, как к сердцу приливает кровь, и подумал: «Ну вот, сейчас он откроет дверь и скажет: “Это ты Бинг Партридж, тот парень, который писал в Страну Рождества насчет работы?” – и для меня начнется новая жизнь. Моя жизнь наконец начнется».

Однако дверь не открылась… в тот раз. Водитель – Бинг не мог разглядеть его лицо за ослепительным светом фар – не окликнул его, не опустил стекло. Однако он приветственно помигал фарами, прежде чем описал широкий круг и развернул «Роллс-Ройс» задом к зданию «Норт-хим-фарма».

Сняв противогаз, Бинг засунул его под мышку. Он вспотел и раскраснелся, и прикосновение прохладного воздуха к разгоряченной коже было приятным. Из машины лилась рождественская музыка: «Счастье всему миру». Да. Именно это чувство Бинг сейчас испытывал.

У него мелькнула мысль: быть может, сидевший за рулем человек хотел, чтобы он подошел. Бросил противогаз, бросил ведро со щелочью, обогнул ограду и забрался к нему в машину. Однако не успел Бинг сделать и шага к машине, как та начала удаляться.

– Подождите! – воскликнул Бинг. – Не уезжайте! Подождите!

Вид удаляющегося «Роллс-Ройса», номерного знака NOS4A2, уменьшающегося в размерах по мере того, как машина отъезжала все дальше, потряс его.

Охваченный возбуждением, близким к панике, Бинг закричал:

– Я ее видел! Я видел Страну Рождества! Пожалуйста! Дайте мне шанс! Пожалуйста, вернитесь!

Вспыхнули стоп-сигналы. «Роллс-Ройс» замедлился на мгновение, словно крик Бинга услышали, – затем снова плавно двинулся вперед.

– Дайте мне шанс! – заорал Бинг. Затем пронзительно завыл: – *Только дайте мне один шанс!*

«Роллс-Ройс» докатил до конца улицы, завернул за угол и скрылся, оставив Бинга раскрасневшегося, мокрого от пота, с бешено колотящимся сердцем.

Он все еще стоял так, когда на погрузочную площадку вышел покурить мистер Паладин, бригадир.

– Эй, Бинг, на стене еще остается член, – окликнул он. – Ты сегодня работаешь или у тебя отпуск?

Бинг уныло посмотрел на опустевшую улицу.

– Рождественские каникулы, – сказал он, но тихо, чтобы мистер Паладин ничего не услышал.

Бинг не видел «Роллс-Ройс» уже целую неделю, когда ему сменили рабочий график, переведя на двойную смену, с шести утра до шести вечера. В складских помещениях царила адская жара, такая, что, случайно прикоснувшись к стальным баллонам со сжатым газом, можно было получить ожог. Бинг возвращался домой на автобусе, как обычно, сорок минут в пути, вентиляторы гоняли по салону зловонный воздух, всю дорогу хныкал младенец.

Выйдя на Фэрфилд-стрит, последние три квартала Бинг прошел пешком. Воздух перестал быть газом, превратившись в жидкость – причем в жидкость, близкую к закипанию. Она струилась вверх от размягченного асфальта, искривляя воздух, поэтому цепочка домов в конце квартала дрожала, словно отражение, пляшущее на подернутой рябью воде пруда.

– Уходи, жара, ты прочь, – запел сам себе Бинг. – И меня ты не морочь…

«Роллс-Ройс» стоял в конце улицы, напротив его дома. Сидящий внутри мужчина высунулся из окна в правой двери и, выкрутив шею, оглянулся на Бинга и улыбнулся как доброму старому другу. После чего махнул рукой с длинными пальцами: «Поторопись же!»

Рука Бинга беспомощно взметнулась вверх, нервно помахав в ответ, и он неуклюже засеменил по улице, так, как бегают толстяки. Его немного смутило появление машины. В глубине души Бинг верил в то, что рано или поздно человек из Страны Рождества придет за ним. Но в то же время он начинал опасаться, что сны и редкие встречи с Машиной подобны воронью, кружащемуся над больным, обессиленным животным, готовым вот-вот рухнуть. С каждым последующим шагом к NOS4A2 у него крепла уверенность в том, что «Роллс-Ройс» сейчас тронется, уедет прочь и снова бесследно исчезнет. Однако этого не происходило.

Человек, сидевший справа, вовсе не был пассажиром, потому что «Роллс-Ройс», естественно, английская машина, и руль у него справа. Этот человек, водитель, любезно улыбнулся Бингу Партриджу. С первого взгляда тот понял, что хотя водитель мог бы сойти за сорокалетнего, на самом деле он был гораздо старше. Его глаза потускнели, выцвели, став похожими на осколки стекла, отшлифованные морским прибоем; это были старые глаза, бесконечно старые. Лицо было вытянутое, осунувшееся, мудрое и доброе, хотя из-за кривых зубов прикус полу-

чался неправильный. Бинг решил, что кто-то скажет, что это лицо похоже на хорька, но в то же время в профиль оно будет великолепно смотреться на банкнотах.

– Вот он! – воскликнул сидящий за рулем мужчина. – Вот этот честолюбивый молодой Бинг Партридж! Наконец настал его час! Нам уже давно нужно поговорить, молодой Партридж! Не сомневаюсь, это будет самый важный разговор в твоей жизни!

– Вы из Страны Рождества? – робко спросил Бинг.

Пожилой, а может быть, не имеющий возраста мужчина приложил палец к носу.

– Чарльз Тэлент Мэнкс Третий к вашим услугам, мой дорогой! Председатель совета правления компании «Страна Рождества Энтерпрайзес»[15], директор компании «Страна Рождества Интертейнмент»[16], президент веселья! Также мое величество, Король Дерьма с Дерьмового холма, хотя на моей визитной карточке это не указано. – Щелкнув пальцами, он достал из ниоткуда карточку и протянул ее Бингу. Тот ее взял и внимательно рассмотрел.

– Если лизнешь карточку, почувствуешь вкус леденцов, – сказал Чарли Мэнкс.

Бинг недоверчиво покосился на карточку, затем лизнул ее своим шершавым языком. У карточки оказался вкус бумаги и картона.

– Шутка! – радостно воскликнул Чарли Мэнкс, тыча Бинга в плечо. – Ты что, вообразил, что я Вилли Вонка?[17] Обойди машину! Садись! В чем дело, сынок? У тебя такой вид, будто ты вот-вот расплавишься и превратишься в лужицу газировки своего имени[18]. Давай-ка я лучше угощу тебя бутылкой хорошей кока-колы! Нам с тобой нужно обсудить кое-что очень важное!

– Мою работу? – с надеждой спросил Бинг.

– Твое будущее! – ответил Чарли Мэнкс.

[15] Производство *(англ.)*.

[16] Развлечения *(англ.)*.

[17] Вилли Вонка – герой сказочной повести американского писателя Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика», эксцентричный владелец шоколадной фабрики.

[18] Имеется в виду безалкогольный прохладительный напиток «Бинг», выпускавшийся до 2013 года.

Шоссе номер 322

– Это самая хорошая машина, в какой я только ездил, – сказал Бинг Партридж. «Роллс-Ройс» скользил по шоссе номер 322, входя в повороты плавно, словно шарик из нержавеющей стали в беговую дорожку подшипника.

– Это «Роллс-Ройс», модель «Призрак» 1938 года, таких на заводе в английском Бристоле было выпущено всего четыреста штук. Редкая находка – как и ты, Бинг Партридж!

– А ваш номерной знак имеет какой-либо смысл? – спросил Бинг. – Эн-оу-эс-фор-эй-ту?

– «Носферату»[19], – поправил его Чарли Мэнкс.

– Нос… какой? Чей?

– Это у меня такая шутка, – объяснил Мэнкс. – Моя первая жена как-то обвинила меня в том, что я Носферату[20]. Ну, она употребила другое слово, но смысл был тот же. Бинг, ты знаешь, что такое ядовитый плющ?

– Давно уже не встречал. Когда я был маленький, отец, еще до своей смерти, взял меня с собой в поход, и я…

– Если бы твой отец взял тебя с собой в поход *после* своей смерти, вот тогда тебе было бы о чем рассказать! Я же хочу сказать следующее: моя первая жена была похожа на сыпь, которая бывает от ожога ядовитым плющом. Я ее терпеть не мог, но был не в силах ничего с собой поделать и постоянно к ней лез. Она была зудом, который я расчесывал до крови, – после чего продолжал чесать дальше! Ваша работа обещает быть опасной, мистер Партридж!

Переход получился настолько внезапным, что Бинг оказался к нему не готов, ему потребовалось время, чтобы сообразить, что теперь его черед говорить.

– Вот как?

– В своем письме вы упоминали про то, что работаете со сжатыми газами, – сказал Мэнкс. – По-моему, баллоны с кислородом и гелием очень взрывоопасны, разве не так?

– О да, конечно. Несколько лет назад один тип решил курнуть на погрузочной площадке, рядом с баллоном с азотом, у которого был открыт вентиль. Баллон издал громкий вопль и взлетел, словно ракета. Он врезался в пожарную дверь с такой силой, что сорвал ее с петель, а дверь была железная. Но тогда никто не пострадал. А у меня в группе не было ни одного происшествия с тех пор, как меня поставили старшим. Ну… *почти* ни одного. Денис Лури как-то раз надышался имбирного дыма, однако это не в счет. Ему даже плохо не стало.

– Имбирного дыма?

– Мы так называем ароматизированный севофлуран, который развозим по стоматологическим кабинетам. Он бывает и без ароматизаторов, но малышам нравится аромат имбирных пряников.

– О, это наркоз?

– Ну, от него человек не понимает, что с ним происходит. Но не засыпает. Скорее, человек знает только то, что ему сказали. И перестает соображать. – Бинг издал смешок, не смог сдержаться, после чего добавил, чуть ли не виновато: – Мы сказали Денису, что сейчас мы на дискотеке, и он начал скакать, совсем как Джон Траволта в том фильме[21]. Мы чуть не померли со смеху.

Мистер Мэнкс открыл рот, демонстрируя свои маленькие коричневые зубы в некрасивой улыбке, перед которой тем не менее невозможно было устоять.

---

[19] Так читается по-английски автомобильный номер NOS4A2.

[20] Носферату – точная этимология неизвестна, синоним слова «вампир» в трансильванском фольклоре. Встречается в романе ужасов Брэма Стокера «Дракула» (1897). После кинофильма Фридриха Мурнау «Носферату. Симфония ужаса» (1922) слово вошло в современную культуру.

[21] Имеется в виду фильм «Лихорадка субботнего вечера» (1977) с участием актера Джона Траволты.

– Мне нравятся люди с чувством юмора, мистер Партридж.

– Зовите меня просто Бинг, мистер Мэнкс.

Бинг ждал, что мистер Мэнкс предложит ему звать его Чарли, однако этого не произошло. Мистер Мэнкс сказал:

– Насколько я понимаю, большинство тех, кто танцует на дискотеках, находятся под воздействием тех или иных препаратов. Это единственное объяснение. Я не могу назвать подобные дурацкие кривляния танцами. По мне это чистой воды глупость!

«Призрак» свернул на грунтовую площадку перед заведением Франклина. По асфальту «Роллс-Ройс» скользил, словно яхта при попутном ветре. Создавалось впечатление бесшумного движения, не требующего никаких усилий. На грунтовке у Бинга возникли другие ощущения массы и момента инерции: танк, давящий гусеницами глину.

– Как ты смотришь на то, что я куплю нам по бутылке кока-колы, после чего мы перейдем к делу? – предложил Чарли Мэнкс. Он повернул вбок, небрежно держа рулевое колесо одной тощей рукой.

Бинг открыл рот, собираясь ответить, но поймал себя на том, что силится подавить зевок. Долгая дорога в плавно покачивающейся машине навеяла на него сонливость. Бинг не мог нормально выспаться вот уже целый месяц, сегодня он был на ногах с четырех часов утра, и, если бы Чарли Мэнкс не ждал его в машине перед домом, он бы поужинал перед теликом, после чего сразу же лег спать. И эта мысль напомнила ему кое о чем.

– Она мне снилась, – застенчиво произнес Бинг. – Мне постоянно снилась Страна Рождества. – Он смущенно хихикнул. Чарли Мэнкс сочтет его за полного дурака.

Однако Чарли Мэнкс этого не сделал. Его улыбка стала шире.

– Тебе снилась луна? Луна с тобой разговаривала?

У Бинга резко перехватило дыхание. Он уставился на мистера Мэнкса – изумленно, а может быть, и с некоторой долей тревоги.

– Все это снилось тебе, Бинг, потому что там твое место, – сказал Мэнкс. – Однако если ты хочешь туда попасть, тебе придется это заслужить. И я расскажу тебе как.

Мистер Мэнкс вернулся от окошка выдачи заказов через пару минут. Разместив свое долговязое тело за рулем, он протянул Бингу холодную, запотевшую бутылку с кока-колой, громко шипящей. У Бинга мелькнула мысль, что ему еще никогда не доводилось видеть бутылку с таким восхитительным напитком.

Запрокинув голову назад, Бинг вылил кока-колу себе в рот, жадно глотая – один глоток, два, три. Когда он опустил бутылку, она была уже наполовину пуста. Бинг сделал глубокий вдох – после чего рыгнул, резкий, грубый звук, громкий, словно треск рвущейся ткани.

У него вспыхнуло лицо – однако Чарли Мэнкс лишь весело рассмеялся и сказал:

– Лучше внутрь, чем наружу, как я всегда говорю своим детям!

Несколько успокоившись, Бинг смущенно улыбнулся. Отрыжка оставила неприятное послевкусие, вроде как от кока-колы, но также почему-то и от аспирина.

Выкрутив рулевое колесо, Мэнкс выехал обратно на дорогу.

– Вы наблюдали за мной, – сказал Бинг.

– Да, наблюдал, – подтвердил Чарли. – Практически с того самого момента, как вскрыл твое письмо. Должен признаться, я удивился, получив его. Вот уже много лет никто не отвечал на мои объявления в старых журналах. Но тем не менее, как только я прочитал твое письмо, у меня возникло ощущение, что ты *наш* человек. Тот, кто на лету поймет всю важность того, чем я занимаюсь. И все-таки ощущение – это хорошо, однако знать *наверняка* лучше. Страна Рождества – особенное место, и у многих, возможно, возникнут сомнения относительно характера моей деятельности. Я очень строго подхожу к отбору своих сотрудников. Так получилось, что

в настоящий момент мне нужен человек, который возьмет на себя обязанности главы службы безопасности. Мне нужен хум-хум-хум, чтобы хум-хум-хум.

Бингу потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что он не расслышал последние слова Чарли Мэнкса. Звуки его голоса затерялись в монотонном шелесте покрышек по асфальту. «Роллс-Ройс» уже свернул с шоссе и катился среди сосен, в пахнущей хвоей прохладе. Когда мельком показалось розовое небо – как-то незаметно для Бинга солнце зашло и наступили вечерние сумерки, – он увидел луну, белую, словно сливочное мороженое, плывущую в пустоте.

– Что вы сказали? – спросил Бинг, заставляя себя усесться прямо и часто моргая. Он смутно чувствовал, что ему грозит опасность клюнуть носом. Кока-кола, с кофеином, сахаром и освежающими пузырьками, должна была бы его взбодрить, но, похоже, она возымела противоположное действие. Бинг сделал последний глоток, допивая газировку, однако остаток на дне бутылки оказался горьким, и он скорчил гримасу.

– В мире полно глупых, жестоких людей, Бинг, – сказал Чарли. – И знаешь, что самое страшное? У многих из них есть дети. Кто-то напивается и лупит своих малышей. Лупит, обзывая грязными словами. Такие люди не имеют права иметь детей – вот как я это вижу! Их можно поставить к стенке и всадить каждому пулю – и я не буду иметь ничего против. Пуля в голову каждому… или гвоздь.

Бинг почувствовал, что у него внутри все перевернулось. Ему стало плохо – так плохо, что он был вынужден опереться рукой о приборную панель, чтобы не свалиться.

– Я не помню, как это произошло, – солгал Бинг, голос приглушенный и самую малость дрожащий. – Это было так давно. – Помолчав, он добавил: – Я бы отдал все, чтобы это исправить.

– С какой стати? Чтобы дать своему отцу возможность убить *тебя?* В газетах писали, что, перед тем как ты его застрелил, он ударил тебя так сильно, что ты получил черепно-мозговую травму. В газетах писали, что ты был весь в синяках, многие из которых были получены еще несколько дней назад! Мне не нужно объяснять тебе разницу между убийством и защитой собственной жизни!

– Я убил и маму тоже, – прошептал Бинг. – На кухне. Она мне ничего не сделала.

Похоже, это заявление не произвело на мистера Мэнкса никакого впечатления.

– Где она была, когда отец тебя колотил? Я так понимаю, мать не пыталась героически прикрыть тебя своим телом! Почему она не обратилась в полицию? Не нашла телефон в справочнике? – Мэнкс устало вздохнул. – Жаль, Бинг, что рядом с тобой никого не было. Адское пекло – слишком мягкое наказание для отца и матери, которые бьют собственных детей. Но на самом деле меня больше интересует не наказание, а предотвращение! Было бы гораздо лучше, если бы ничего этого с тобой не случилось! Если бы тебе было безопасно у себя дома. Если бы каждый день был для тебя Рождеством, Бинг, а не днем горя и отчаяния. Полагаю, в этом мы с тобой одного мнения!

Бинг поднял на него испуганный взгляд. У него было такое ощущение, будто он не спал уже много дней, и ему приходилось ежеминутно вести борьбу за то, чтобы не сползти по обтянутому кожей сиденью и провалиться в небытие.

– Кажется, я сейчас засну, – пробормотал Бинг.

– Все в порядке, Бинг, – успокоил его Чарли. – Дорога в Страну Рождества вымощена снами!

Откуда-то появились парящие в воздухе белые лепестки, падающие на лобовое стекло. Глядя на них, Бинг испытывал смутную радость. Ему было тепло, хорошо и спокойно, и ему нравился Чарли Мэнкс. «Адское пекло – слишком мягкое наказание для отца и матери, которые бьют собственных детей». Это были очень хорошие слова: они были наполнены внутренним благородством. Чарли Мэнкс был из тех, кто знает что к чему.

– Хумма-хум-хум-хум, – сказал Чарли Мэнкс.

Бинг кивнул – эти слова также были наполнены внутренним благородством и мудростью, – после чего указал на лепестки, падающие дождем на лобовое стекло.

– Пошел снег!

– Ха! – усмехнулся Чарли Мэнкс. – Это не снег. Дай своим глазам отдохнуть, Бинг Партридж. Дай своим глазам отдохнуть, и ты кое-что увидишь.

Бинг Партридж сделал так, как было ему сказано.

Его глаза оставались закрытыми недолго – всего одно-единственное мгновение. Однако это мгновение, казалось, продолжалось и продолжалось, растягиваясь в умиротворенную вечность, в темноту сонного спокойствия, единственным звуком в которой был убаюкивающий шелест покрышек по асфальту. Бинг сделал выдох. Бинг сделал вдох. Бинг открыл глаза и тотчас же резко уселся прямо, глядя в лобовое стекло, за которым была

Дорога в Страну Рождества

День угас, и фары «Призрака» вонзались в замерзший мрак. В ярком свете носились белые мушки, мягко ударяясь о лобовое стекло.

– А вот это уже снег! – воскликнул сидящий за рулем Чарли Мэнкс.

Бинг мгновенно очнулся, перейдя из дремы в бодрствование, словно у его сознания имелся выключатель и кто-то им щелкнул. Вся кровь разом устремилась к сердцу. Бинг был поражен так, словно обнаружил у себя на коленях гранату.

Половину неба затянули тучи. Однако другая половина была щедро обсахарена звездами, и среди них висела луна, та самая луна со скрюченным носом и растянутой в широкой улыбке ртом. Она смотрела вниз на дорогу желтым прищуренным глазом, выглядывающим из-под нависающего века.

Дорогу обрамляли искривленные сосны. Лишь присмотревшись внимательнее, Бинг сообразил, что это вовсе не сосны, а каучуковые деревья.

– Страна Рождества!.. – прошептал он.

– Нет, – ответил Чарли Мэнкс. – До нее еще далеко. Ехать минимум двадцать часов. Но она там. На Западе. И раз в год, Бинг, я привожу туда кого-нибудь.

– Меня? – дрогнувшим голосом спросил Бинг.

– Нет, Бинг, – мягко поправил его Чарли. – Не в *этом* году. В Стране Рождества рады всем детям, но взрослые – это иное дело. Сначала ты должен будешь доказать, что достоин этого. Должен будешь доказать, что любишь детей и готов оберегать их, на службе Стране Рождества.

Машина проехала мимо снеговика, тот поднял руку-ветку и помахал вслед. Машинально подняв руку, Бинг помахал в ответ.

– Как? – шепотом спросил он.

– Ты должен будешь спасти вместе со мной *десять* детей, Бинг. Должен будешь спасти их от *чудовищ.*

– От чудовищ? Каких чудовищ?

– Их родителей, – торжественно произнес Мэнкс.

Оторвав свое лицо от ледяного стекла окна, Бинг повернулся и посмотрел на Чарли Мэнкса. Когда он какое-то мгновение тому назад закрыл глаза, светило солнце, а мистер Мэнкс был в простой белой рубашке и подтяжках. Сейчас он был в сюртуке и черной шляпе с кожаными полями. По всему сюртуку тянулись два ряда медных пуговиц – в такой мог быть одет офицер иностранной армии, лейтенант королевской гвардии. Взглянув на себя, Бинг обнаружил, что на нем также новая одежда: отцовский парадный мундир морской пехоты, белый и наглаженный, ботинки надраены до черного блеска.

– Я сплю? – спросил Бинг.

– Я же тебе говорил, – терпеливо объяснил Мэнкс. – Дорога в Страну Рождества *вымощена* снами. Эта старинная машина может покидать обыкновенный мир и попадать прямиком на потаенные дороги мыслей. И сон – это просто выездные ворота. Когда пассажир засыпает, мой «Призрак» покидает дорогу, по которой ехал, и оказывается на шоссе Святого Николая. Этот сон снится нам обоим. Это *твой* сон, Бинг. Однако машину по-прежнему веду *я.* Смотри, я хочу кое-что тебе показать.

Пока он говорил, машина замедлилась и свернула к обочине. Под колесами захрустел снег. Фары высветили фигуру, чуть дальше впереди, справа. Издалека казалось, что это женщина в белой одежде. Она стояла совершенно неподвижно, не оборачиваясь на свет фар «Призрака».

Наклонившись к Бингу, Мэнкс открыл бардачок перед ним. Внутри лежали обычные вещи: дорожные карты и документы. Бинг также увидел фонарик с длинной хромированной ручкой.

Из бардачка выкатился оранжевый пузырек с лекарством. Бинг поймал его одной рукой. На пузырьке было написано: «Хэнсом, Дьюи – диазепам 50 мг».

Схватив фонарик, Мэнкс выпрямился и приоткрыл дверь.

– Дальше предстоит идти пешком.

Бинг поднял пузырек.

– Вы… вы дали мне снотворное, чтобы я заснул, мистер Мэнкс?

Мэнкс подмигнул.

– Не держи на меня обиды, Бинг. Я знал, что ты захочешь попасть на дорогу в Страну Рождества как можно быстрее, а увидеть ее можно только во сне. Надеюсь, все в порядке.

– Пожалуй, я ничего не имею против, – пробормотал Бинг. И пожал плечами. Он снова посмотрел на пузырек. – Кто такой этот Дьюи Хэнсом?

– Это был *ты,* Бинг. Он был до тебя. Дьюи Хэнсом был киноагентом в Лос-Анджелесе, занимался в основном актерами-детьми. Он помог мне спасти десятерых детей и заслужил свое место в Стране Рождества! О, дети Страны Рождества *обожали* Дьюи, Бинг. Они его буквально доконали! Идем!

Открыв свою дверь, Бинг выбрался в неподвижный морозный воздух. Ночь стояла безветренная, снежные хлопья неспешно кружились, целуя Бингу щеки. Для старика («Почему я все время считаю его стариком? – подумал Бинг. – На вид он совсем не старый!») Чарльз Мэнкс оказался проворным, он быстро шел по обочине, скрипя ботинками. Бинг семенил следом за ним, обнимая себя за плечи, чтобы согреться в тонком парадном мундире.

Как оказалось, женщин в белом одеянии было две, они стояли по сторонам черных чугунных ворот. Они были совершенно одинаковыми: две дамы, высеченные из гладкого мрамора. Обе наклонились вперед, разведя руки в стороны, и их белые словно кость одежды развевались у них за спиной, раскрываясь подобно крыльям ангела. Женщины обладали строгой красотой, с полными губами и слепыми глазами классической скульптуры. Рты у них были приоткрыты, поэтому казалось, будто они делают вдох, собираясь рассмеяться – или заплакать от боли. Скульптор изваял их так, что груди распирали ткань одежды.

Мэнкс прошел в черные ворота между дамами. Бинг замялся, правая его рука сама собой поднялась и погладила одну гладкую, холодную грудь. Ему всегда хотелось потрогать вот такую грудь, тугую, упругую.

Улыбка каменной дамы растянулась шире, и Бинг отпрянул назад, собираясь закричать.

– Ну же, Бинг, не отставай! Давай займемся делом! – окликнул его Мэнкс. – И одежда у тебя не для холодной погоды!

Бинг уже собрался шагнуть вперед, но в последний момент остановился и поднял взгляд на арку над открытыми чугунными воротами.

Кладбище Того, Что Могло Бы Быть

Бинг нахмурился, прочитав эту загадочную вывеску, но тут мистер Мэнкс снова его окликнул, и он поспешил к нему.

Четыре каменных ступеньки, слегка припорошенные снегом, привели к ровной поверхности черного льда. Поверхность была зернистой после недавнего снегопада, однако слой снега был тонким – удар ботинком обнажил гладкий лист льда под ним. Сделав два шага, Бинг заметил в толще льда что-то неясное, дюймах в трех от поверхности. На первый взгляд ему показалось, что это тарелка.

Наклонившись, Бинг всмотрелся в лед. Чарли Мэнкс, стоявший всего в нескольких шагах впереди, обернулся и посветил фонариком туда, куда он смотрел.

Луч света выхватил детское лицо, лицо девочки с веснушчатыми щеками и волосами, забранными в два хвостика. При виде нее Бинг вскрикнул и нетвердой походкой сделал шаг назад.

Девочка была такой же бледной, как и мраморные изваяния, охраняющие вход на Кладбище Того, Что Могло Бы Быть, но она была из плоти, а не из камня. Рот ее был открыт в безмолвном крике, из него выходила струйка из нескольких замерзших пузырьков. Руки были подняты вверх, словно девочка тянулась к Бингу. В одной был моток красной веревки – скакалка, сообразил Бинг.

– Там девочка! – воскликнул он. – Там во льду мертвая девочка!

– Не мертвая, Бинг, – поправил Мэнкс. – Пока что не мертвая. Возможно, она не умрет еще много лет. – Он перевел луч фонарика на белый каменный крест, косо торчащий изо льда.

Лили Картер
Фок-роуд, 15
Шарпсвилль, штат Пенсильвания
1980 —?

Рано к греху привела ее мать,
Детство успела познать лишь едва.
Некому бедную крошку спасать,
Нет ей дороги в Страну Рождества.

Мэнкс обвел лучом света то, что, как теперь разглядел Бинг, было замерзшим озером с бесконечными рядами крестов: кладбище размером с Арлингтонское[22]. Снег кружил вокруг надгробий, памятников, могильных плит. В лунном свете снежные хлопья казались серебряными опилками.

Бинг снова перевел взгляд на девочку у него под ногами. Девочка посмотрела на него сквозь мутный лед – и подмигнула.

Снова вскрикнув, Бинг отшатнулся. Зацепившись ногой за другой крест, он неуклюже развернулся, не удержал равновесие и свалился на четвереньки.

Бинг всмотрелся в толщу льда перед глазами. Мэнкс направил луч фонарика на лицо другого ребенка, мальчика с чувственными, задумчивыми глазами под челкой светлых волос.

Уильям Делман

[22] Арлингтонское национальное кладбище – американское военное кладбище в Арлингтоне, пригороде Вашингтона. На территории кладбища захоронены участники войн, президенты, председатели Верховного суда, астронавты. В настоящее время на кладбище погребено более 400 000 человек; площадь его составляет 2,53 кв. км.

Мэттисон-авеню, 42Би
Асбери-Парк, штат Нью-Джерси
1981 —?

Билли лишь хотел играть,
Отцу было наплевать.
Мать его сбежала прочь —
Нож, наркотик, пьянство, ночь.
Некому ему помочь.

Бинг попытался встать, комически поскользнулся, снова упал, теперь чуть левее. Луч фонарика в руке у Мэнкса показал ему еще одного ребенка, девочку азиатской наружности, держащую в руке плюшевого медвежонка в твидовой курточке.

Сара Чанг
Пятая улица, 39
Бэнгор, штат Мериленд
1983 —?

Снятся Саре кошмары, и ей не до сна,
Хочет свести с жизнью счеты она.
У Сары цветы распускаются в сердце,
Когда покатается с мистером Мэнксом.

У Бинга вырвался булькающий вздох ужаса. Эта девочка, Сара Чанг, смотрела ему в глаза, раскрыв рот в беззвучном крике. Она была погребена в толще льда с петлей из бельевой веревки, стянувшей ей шею.

Подхватив Бинга под локоть, Чарли Мэнкс помог ему подняться на ноги.

– Сожалею, Бинг, что тебе пришлось посмотреть на все это, – сказал Мэнкс. – Я был бы рад избавить тебя от такого зрелища. Но ты должен понять, почему я этим занимаюсь. Возвращаемся в машину. У меня есть термос с какао.

Мистер Мэнкс помог Бингу пересечь ледяное поле, крепко держа его за руку, чтобы он больше не падал.

Они разделились перед капотом, Чарли направился к правой двери, но Бинг заколебался на мгновение, впервые обратив внимание на украшение на капоте: улыбающаяся дама из хромированной стали, руки раскинуты в сторону так, что платье развевается за спиной подобно крыльям. Бинг узнал ее с первого взгляда – она была идентична ангелам милосердия, охранявшим ворота на кладбище.

Когда они сели в машину, Чарли Мэнкс нагнулся и достал из-под сиденья серебристый термос. Сняв крышку, он наполнил ее горячим шоколадом и протянул Бингу. Тот схватил крышку обеими руками и отпил глоток обжигающего сладкого напитка, а Чарли Мэнкс выполнил разворот по широкой дуге, направляясь прочь от Кладбища Того, Что Могло Бы Быть. «Роллс-Ройс» быстро набрал скорость, возвращаясь туда, откуда приехал.

– Расскажите про Страну Рождества, – дрожащим голосом попросил Бинг.

– Это *лучшее* место, – сказал Мэнкс. – При всем уважении к мистеру Уолту Диснею, воистину, Страна Рождества – *самое* счастливое место на свете. Хотя – с другой стороны, полагаю, можно сказать, что Страна Рождества – самое счастливое место *не* в этом мире. В Стране Рождества каждый день – Рождество, и дети там никогда не чувствуют горя. Нет, дети там даже не понимают саму *концепцию* горя! Там есть одна только радость. Это похоже на рай – но

только, разумеется, дети не умерли! Они живут вечно, навсегда остаются детьми, и им никогда не приходится бороться с трудностями, потеть и унижаться, как вынуждены делать мы, бедные взрослые. Я обнаружил это место чистой мечты много лет назад, и первыми малышами, поселившимися там, стали мои собственные дети, которые были спасены до того, как их уничтожило это жалкое, злобное создание, в какое в последующие годы превратилась их мать.

Воистину, это то место, где невозможное происходит каждый день. Но это место для детей, а не для взрослых. Жить там позволяется лишь немногим взрослым. Только тем, кто доказал преданность высшей цели. Только тем, кто готов пожертвовать *всем* ради благополучия и счастья нежных малышей. Только таким, как ты, Бинг.

Я хочу, всем своим сердцем, чтобы все дети на свете нашли свою дорогу в Страну Рождества, где им будет суждено познать безграничное счастье! О, как это было бы замечательно! Однако лишь немногие взрослые согласятся отпустить своих детей с совершенно незнакомым человеком, отпустить туда, куда сами они попасть не смогут. Боже мой, они сочтут меня гнуснейшим похитителем и торговцем детьми! Поэтому я привожу лишь одного-двух детей в год, и это всегда те, кого я видел на Кладбище Того, Что Могло Бы Быть, замечательные дети, обреченные страдать от рук своих собственных родителей. Как тот, кому самому в детстве сделали ужасно больно, *ты* должен понять, не сомневаюсь, насколько важно им помочь! Кладбище показывает мне детей, детство которых, если я не вмешаюсь, будет *украдено* их отцами и матерями. Их будут пороть розгами, кормить кошачьим кормом, продавать извращенцам. Их души превратятся в лед, а сами они станут холодными и бесчувственными, и будут уже в свою очередь измываться над другими детьми. И мы – их единственный шанс, Бинг! За те годы, что я был хранителем Страны Рождества, я спас около семидесяти детей, и самая моя страстная мечта – спасти еще сотню, пока это в моих силах.

Машина неслась в холодной темноте. Бинг считал в уме, беззвучно шевеля губами.

– Семьдесят, – наконец пробормотал вслух он. – Вы сказали, что в год спасаете всего одного ребенка. Иногда двух.

– Да, – подтвердил Мэнкс. – Примерно так.

– Но… сколько же вам лет? – спросил Бинг.

Скосив на него взгляд, Мэнкс усмехнулся – обнажив рот, полный острых коричневых зубов.

– Моя работа помогает мне оставаться молодым. Допивай свое какао, Бинг.

Бинг проглотил последний глоток горячей сладкой жидкости, после чего покрутил в крышке остатки. На стенках остался молочно-желтый осадок. У Бинга мелькнула мысль, не проглотил ли он что-нибудь еще из аптечки Дьюи Хэнсома – это имя казалось ему словами из шуточного стишка[23]. Дьюи Хэнсом, предшественник Бинга на работе у Чарли Мэнкса, который спас десятерых детей и в качестве вознаграждения навеки отправился в Страну Рождества. Если Чарли Мэнкс спас семьдесят детей, до Бинга у него было – сколько? *Семь* помощников? Счастливчики!

Бинг услышал нарастающий гул: шум, грохот, двенадцатицилиндровое завывание догоняющего «Роллс-Ройс» огромного грузовика. Он оглянулся – гул с каждым мгновением становился громче, однако позади ничего не было.

– Вы слышите? – спросил Бинг, только сейчас спохватившись, что пустая крышка от термоса выскользнула из его внезапно онемевших пальцев. – Вы слышите, сзади что-то приближается?

– Должно быть, это утро, – ответил Мэнкс. – Быстро же оно нас нагоняет. Только не смотри, Бинг, вот оно!

[23] Имя созвучно dewy hansom – «простодушный кэб» *(англ.)*.

Рев грузовика все нарастал и нарастал, и внезапно он уже прозвучал слева от Бинга. Всмотревшись в ночную темноту, Бинг отчетливо разглядел большой грузовик с крытым кузовом, всего в какой-нибудь паре футов. На кузове были нарисованы зеленое поле, красная ферма, пасущиеся коровы и яркое улыбающееся солнце, встающее над холмами. Лучи восходящего солнца озарили буквы размером в фут: «СЛУЖБА ДОСТАВКИ ВОСХОД».

На какое-то мгновение грузовик заслонил землю и небо, и надпись «СЛУЖБА ДОСТАВКИ ВОСХОД» заполнила Бингу все поле зрения. Затем грузовик с грохотом прокатил мимо, подняв за собой хвост пыли, и Бинг вздрогнул, увидев до боли голубое утреннее небо, небо без единого облака, бескрайнее, и, прищурившись, посмотрел на

Сельский пейзаж Пенсильвании

Чарли Мэнкс выкатил «Призрак» на обочину и поставил на ручник. Разбитая грунтовая сельская дорога. Пожелтевшая трава, подступающая прямо к машине. Гудение насекомых. Сияние низкого солнца. Было не позже семи часов утра, однако Бинг уже ощущал свирепую дневную жару, проникающую сквозь лобовое стекло.

– Вот это да! – воскликнул Бинг. – В чем дело?

– Солнце взошло, – мягко ответил Мэнкс.

– Я спал? – спросил Бинг.

– По-моему, Бинг, на самом деле ты бодрствовал. Возможно, впервые в жизни.

Мэнкс усмехнулся, и Бинг, покраснев, смущенно улыбнулся в ответ. Он не всегда понимал Чарли Мэнкса, но поэтому ему было легче восхищаться им, боготворить его.

В высокой траве парили стрекозы. Бинг не узнал это место. Определенно, это был не Шугаркрик. Какое-то захолустье. Выглянув в окно, Бинг в золотистой дымке утреннего солнца увидел на холме особняк в колониальном стиле с черными ставнями. Девочка в алом платье в цветочек, похожем на сорочку, стояла на ведущей к крыльцу грунтовой дорожке, под раскидистой акацией, и смотрела на машину. В руке она держала скакалку, но она не прыгала, не пользовалась ею, а просто вопросительно изучала незнакомцев. Бинг предположил, что ей до сих пор никогда не доводилось видеть «Роллс-Ройс».

Прищурившись, Бинг приветственно поднял руку. Девочка не ответила, лишь склонила голову набок, разглядывая чужаков. Хвостики упали ей на правое плечо, и в этот момент Бинг ее узнал. Подскочив от изумления, он больно ударился коленом о приборную панель.

– Она! – воскликнул Бинг. – Это же она!

– Кто, Бинг? – спросил Чарли Мэнкс таким тоном, словно ответ был ему известен.

Бинг не отрывал взгляда от девочки, и девочка смотрела на него. Он был бы не так потрясен, если бы увидел воскресшего мертвеца. В каком-то смысле он *действительно* увидел воскресшую из мертвых.

– Лили Картер, – сказал Бинг. У него всегда была хорошая память на стихи. – «Рано к греху привела ее мать, детство успела познать лишь едва. Некому бедную крошку спасать…» – Он осекся, увидев, как входная дверь приоткрылась и высунулась изящная женщина с хорошей фигурой в перепачканном мукой фартуке.

– Лили! – окликнула женщина. – Я позвала тебя завтракать десять минут назад! Иди сюда!

Ничего не ответив, Лили Картер медленно попятилась к крыльцу, в широко раскрытых глазах завороженный взгляд. Никакого страха. Только… любопытство.

– А это, наверное, мать Лили, – сказал Мэнкс. – Я навел справки о маленькой Лили Картер и ее матери. Мать Лили работает в ночную смену в придорожном кафе. Ты знаешь, какого типа женщины работают в кафе.

– А какого типа? – спросил Бинг.

– Шлюхи, – сказал Мэнкс. – Практически все до одной. По крайней мере, пока хорошо выглядят внешне, а в случае с матерью Лили Картер это продлится очень недолго. Затем, боюсь, она уже не сможет быть шлюхой. Кто-то должен зарабатывать на жизнь, а мужа у Эвангелины Картер нет. Замужем она никогда не была. Скорее всего, даже не знает, кто ее обрюхатил. Черт возьми, ты только посмотри на эту очаровательную юную леди. Не сомневаюсь, ей скоро придется самой зарабатывать на пропитание.

– Откуда вы это знаете? – прошептал Бинг. – Как вы вообще можете знать наперед, что произойдет? Вы… вы точно уверены?

Чарли Мэнкс вопросительно поднял бровь.

– Существует только один способ это выяснить. Отойти в сторону и оставить Лили заботам матери. Быть может, через несколько лет мы проведаем ее, узнаем, до чего они докатились!

Пятясь, Лили дошла до крыльца.

Из-за двери снова донесся крик ее матери, голос хриплый, недовольный. Бингу показалось, что это голос пьяницы, страдающего от сильного похмелья. Скрежещущий, раздраженный голос.

– Лили! Немедленно иди сюда, или я отдам твою яичницу чертовой собаке!

– Сука! – пробормотал Бинг Партридж.

– Склонен с тобой согласиться, Бинг, – сказал Мэнкс. – Когда девочка приедет ко мне в Страну Рождества, нужно будет также разобраться и с матерью. На самом деле будет лучше, если мать и дочь исчезнут вместе. Я бы предпочел не брать мисс Картер с собой в Страну Рождества, но, возможно, *ты* найдешь ей какое-нибудь применение. Хотя лично я вижу только одно, на что она может быть пригодна. В любом случае меня это не интересует. Просто необходимо сделать так, чтобы мать Лили больше никто не видел. И если учесть, что она сделает когда-нибудь со своей дочерью, если ей не помешать… ну, я не стану ее оплакивать!

У Бинга в груди быстро и сильно заколотилось сердце. Во рту пересохло. Он потянулся к ручке двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.